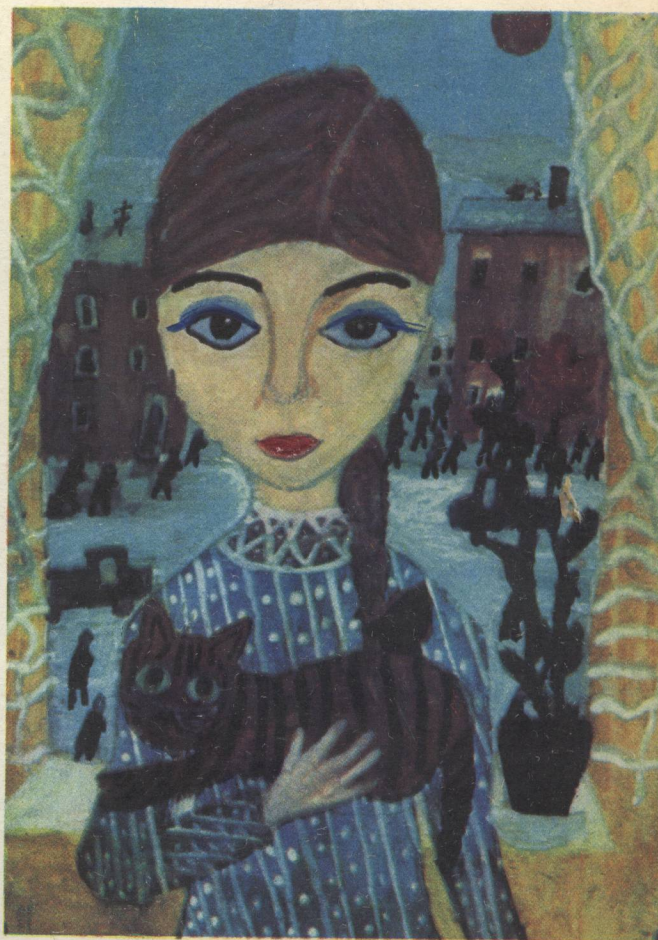
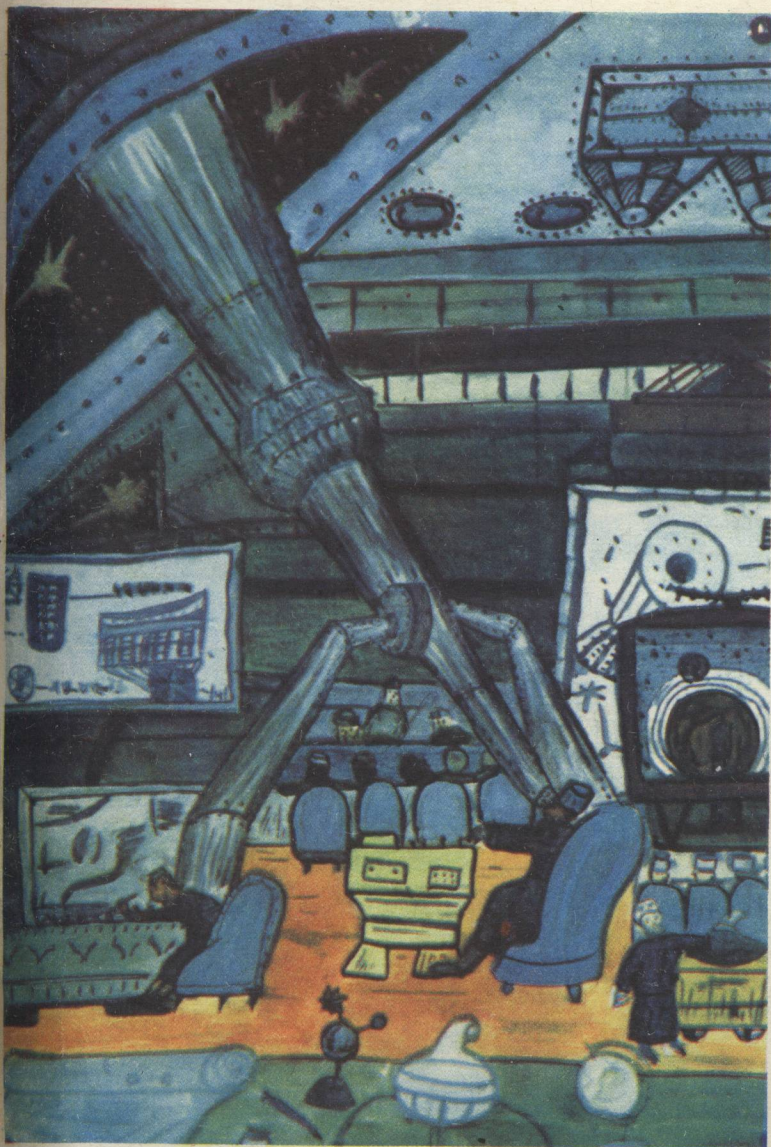

Космёр
5
МАЙ
1971

Всесоюзная выставка
„Творчество юных“

Костёр

5
МАЙ

1971

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Всегда на марше

1

Операция „Чукотка“
продолжается

5

Что же делать
с Егором?

24

Пионерский километр!
— Что это такое?

38

Ждем ответа на сроч-
ную радиограмму
Штаб „Океана-2“

63

На костровом

ВСЕГДА НА МАРШЕ

— Слушай нас, Партия!
— Слушай нас, Родина!
— Слушай, вожатый наш, комсомол! —
звучит по всей нашей стране.

Всесоюзный марш советской пионерии продолжается.

Пройдена половина пути. До полувекового пионерского юбилея остался год.

Под сводами Большого Кремлевского дворца съездов уже прозвучало сердечное пионерское приветствие делегатам XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Все поколения советских пионеров горячо любили и горячо любят свою Родину. Они живут, учатся, борются так, как завещал великий Ленин.

Сделано уже немало. А впереди еще много, много дел.

Сто тысяч тракторов из собранного пионерами металла уже вышли на поля. Посаженный пионерскими руками ленинский сад зеленеет. На выставке «Творчество юных» в Центральном выставочном зале показаны работы четырех тысяч юных умельцев. Операция «Живое серебро» привлекает к охране озер и рек все новые и новые зоркие пионерские патрули.

Пионеры сдержат слово, данное делегатам съезда, — они хотят быть достойны великих дел советского народа!

Что нового, полезного сегодня в жизни и работе пионерских отрядов?

Колонну грузовых автомобилей передают селу московские пионеры. Ребята из школы № 5 Ивано-Франковской области сооружают спортивный комплекс. Балконы Калининского района Ленинграда пионеры превращают в маленькие сады. Пятьсот экскаваторов обещают подарить родной стране пионеры Владимира...

Это все пионерские дела, это все пионерские подарки к юбилею.

ВТОРОЙ ГАЙДАРОВСКИЙ

... В пятницу, поздно вечером, светились ярко только окна пионерской комнаты. Здесь заседал штаб гайдаровского слета и комиссары сводных отрядов.

Решали: быть в воскресенье слету или не быть...

... Дождь лил уже целую неделю, и неделю перед этим, и по утрам часто бывали заморозки, но лес, сентябрьский, желто-красный с синими остриями елей лес, хранил еще летнее тепло. Это были последние грибные недели.

Из-за дождей и заморозков против слета высказывались врачи и родители. Учителя держали нейтралитет.

За слет, за ночевку в палатках голосовали: Николай Осипович, директор, в прошлом моряк, старшая пионервожатая и пятьсот человек ребят.

Штаб решил: выезд в воскресенье в село Красницы при любой погоде. Слет провести без ночевки. Подъем — в пять утра, по-солдатски.

Поздно вечером штаб обдумал и обсудил программу слета и запечатал красной звездой пакеты с секретными заданиями. Это для командиров — вскрыть точно в 12.00.

Итак, командиры сводных отрядов названы, розданы эмблемы и определено, кому быть корреспондентами.

В субботу начались волнения. Закупить продукты! Не забыть спички! Взять соль! Лечь спать пораньше и встать в пять утра!

... Красницы — деревушка маленькая, езды до нее от Ленинграда час, а от Пушкина и того меньше. Здесь несколько лет подряд четыреста одиннадцатая школа устраивала маевки. В прошлом году ребята придумали: раз дружина гайдаровская, проводить здесь гайдаровские слеты.

Первый слет понравился всем. Но когда его результаты стали разбирать — посыпались предложения. Например, Люба Белова из третьего класса, малышка, за другими не видать, так сказала: «Если по-гайдаровски, — так чтобы все, что на слете главное, пусть будет по-военному. Ведь Гайдар жил и погиб, как солдат. И в книгах учил защищать Родину...»

Конечно, такое предложение приняли. Потом кто-то посоветовал сделать слеты постоянными, ежегодными, кто-то — приглашать гостей из других гайдаровских школ.

А перед школой — хотя это уже к слету не относилось — поставить памятник Гайдару, а деньги на памятник самим заработать.

Место ребята выбрали отличное. Речка шумела по камням, лес стоял стеною невдалеке.

Вот сюда, в шесть тридцать утра, как на исходный рубеж перед боем, и высыпали отряды «Мечтатель», «Алые паруса», «Юность», «Веселые ребята», «Мальчиши-Кибальчиши», «Следопыты», «Бригантина» и заняли всю луговину. Часовые встали у знамени. Разбили палатки, разожгли костры.

От леса потянулись дежурные с вязанками хвороста. Кашевары принялись мешать длинными ложками кашу — где пшеничную, где манную.

Ели с толком, впрок, просили у кашеваров ДП — дополнительную порцию, потому что сил надо было много: ведь первая по программе — военно-спортивная эстафета...

В палатке пресс-центра слета шла своя работа. Отрядные корреспонденты спешили с новостями. Где? Что? Как? Кто?

Вот Миша Журавков рубил ветку, ударил по ноге... Ничего, нога цела, санитары перевязали. Костер с одной спички первым зажег Слава Загорулько. Слава Шикмаков, выискивая хорошие кадры, чуть не упал в ведро с кашей. Глядишь, лесная стенгазета и готова.

Чу! Что такое? Горны трубят...

И от пресс-центра — корреспонденты бегом к речке. Там военно-спортивная эстафета: кто скорее добежит до палаток, кто скорее поставит свою по всем правилам, потом вытащит на себе раненых. Когда запыхались совсем — сюрприз: бросить пять гранат в цель. Попробуй пади, когда от усталости руки дрожат.

А последнее — еще труднее — переправа через речку. Как на войне. Переправлялись кто как мог, словно настоящую реку форсировали, будто на том берегу не мирные козы пасутся, а башни вражеских канониров и пулеметы нацелены... Саша Стрункин в спешке в воду упал! Многие вымокли. Но ничего, речка неглубокая, по пояс, хотя и быстрая.

Командиры отправили вымокших сушиться к кострам. Отряды построились, потому что было уже ровно 12.00, время вскрыть секретные пакеты...

В пакетах по-военному краткий и точный приказ: «Выделить от каждого отряда по десять человек для проведения тимуровского десанта. Разведчикам десанта найти, кто из жителей деревни Красницы нуждается в помощи. Позывные — красный флаг».

И пошла разведка искать, где что нужно сделать: где помочь картошку убрать, где в баню воды наносить, где бревна уложить... От семи сводных отрядов — семьдесят человек десант. Помножить на три часа работы — получится двести десять человеко-часов!

Правда, отнеслись к ребятам не везде одинаково.

Зашли в один дом разведчики, объяснили, что хотят. Вышел дед и попросил яблоки убрать.

Яблоки, конечно, убирать дело веселое... Но выскочила на крылечко бабка, видимо, вредная и в доме — главная. Она загнала деда в дом и ни о каких яблоках слышать не захотела.

Достала лопаты, вилы, мотыгу и повела ребят на огород — копать картошку. Ребята, конечно, картошку убрали и в мешки ссыпали. Витя Шубаров подсчитал: всего потратили на вредную бабку тридцать человеко-часов. Впрочем, к концу работы бабка расчувствовалась: пригласила пить чай с вареньем...

Но чай пить было некогда: горны сзывали всех на обед. И уставшие, выпачканные в земле и глине, проголодавшиеся десантники построились и с песней потопали туда, где ждали их щи, каша и арбузы, а на легком ветерке колыбался свеженамалеванный лозунг: «Съел сам — помоги товарищу!»

Так и катился этот веселый, трудный, шумный день к вечернему костру...

Жаль только, что в тот сырой и холодный вечер, как отметили в пресс-центре, костер разгорался туго. Зато около костра...

Прошли парадом герои гайдаровских книг. Потом ребята пели на конкурс гайдаровские песни. Потом — самодеятельность, кто что может! Кто грузинский танец, кто — шумовой оркестр! Ложки, кастрюли, медный поднос... Шумовой оркестр еще и «на бис» выступал.

Потом вдруг не вовремя, с запозданием выскочила Баба-Яга. Здорово заgrimированная.

— А Баба-Яга-то кто?

— Да это же наш кашевар, Аня Морозова...

— ... Костюм-то хорош, но ведь не по Гайдару!

— Все равно — приз Морозовой!

Потом... Потом — шел уже восьмой час — учителя начали подумывать, не пора ли гасить костер и заканчивать слет.

... Как доносит школьная летопись событий, в девятом часу дежурные стали собирать вещмешки и палатки, и к знамени встала последняя смена караула... Наконец, отрядные корреспонденты побеседовали с участниками слета.

Марина Серебрякова из четвертого класса на вопрос: «Как вы относитесь к слету?» — ответила: «Ой, слет очень даже понравился. Особенно тимуровский десант...»

Когда спросили Николая Осиповича, директора, он ответил: «Впечатления мои самые-самые яркие за три года работы в школе».

И если вы думаете, что мы что-нибудь тут придумали, загляните в школьную летопись — там все именно так и записано — слово в слово.

А еще Николай Осипович, бывалый военный моряк, сказал: «Большая сила — ребята, когда они добиваются, чего хотят, когда цель у них есть и когда они делают все сами... А может быть, тут и Гайдар виноват?»

О. Орлов
Фото Славы Шикмакова, 6 «а» класс

ОПЕРАЦИЯ „ЧУКОТКА“

Юрий Рытхэу

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Овсянникова

12.

Самолеты из Тэпкэна приземлялись на льду лагуны.

Чаще всего прилетал почтовый «АН-2», или «Аннушка», как его тут все называли. Летчик Борю Хомякова знали даже поселковые собаки. Он же привозил новые кинофильмы, и вечером в поселковом клубе устраивались киносеансы, которые иногда продолжались далеко за полночь, если картин было несколько. Людям не терпелось посмотреть их сразу, хотя гораздо разумнее было бы растянуть на неделю. Был уже апрель, весенний месяц где-то далеко отсюда, а здесь настоящая зима и непрекращающаяся пурга. На нее перестали обращать внимание. В школу ходили не только старшие школьники, но и младшеклассники. Их сопровождали взрослые.

В школе целыми днями горел электрический свет — не успевали откапывать окна.

Огромные сугробы так и оставались до хорошей погоды неубранными, потому что бульдозер не мог выйти из занесенного снегом гаража.

Порой снежный буран затихал, и можно было выходить в море. Ребята отправлялись в свою пещеру и по очереди дежурили на вершине айсбергов, высматривая возвращавшихся охотников. Охотники привыкли к помощи и старались проложить путь поближе к пещере, чтобы ребятам не так далеко было бежать.

За последние дни что-то изменилось в ледяной пещере. Бывало, что посреди тишины слышался подозрительный шорох и падал откуда-то снежок.

— Море задышало, — сказал Андрейка.

Что он имел в виду, не поняли ни Миша, ни Степа, выросший в тундре.

Окончание. См. „Костер“ №№ 3—4, 1971 г.

Морское дыхание становилось все более отчетливым, это надвигалась весна, хотя все так же падал снег, тускло блестели льды.

Кончилась зимняя темень. Светлое время длилось долго, порой в просвете появлялось солнце, и странно было чувствовать тепло задубевшим на морозе лицом.

Пурга поутихла, стало теплее, снег отяжелел, и ветер не мог поднять его и гнал по морю невесть откуда взявшиеся обрывки газет, пустые консервные банки, картонные ящики.

Ребята пришли в пещеру еще утром — наступили весенние каникулы. Внутри пещеры ветер не чувствовался, и вой его заглушался громким голосом радиоприемника.

До того часа, когда охотники начнут возвращаться, было еще долго ждать.

Андрейка вытащил инструменты — топор и скребок. Ему пришла в голову идея прорубить в пещере окно. Еще вчера он наметил место, где надо долбить ледяную стену, и сегодня принялся за работу.

Миша занялся своим излюбленным делом — он нарубил пресного льда в чайник и зажег в таганке сухой спирт.

Степка покрутил ручку настройки, зазвучала музыка.

Андрейка рубил изо всех сил, и куски льда разлетались по всей пещере.

— Ты потише! — заорал на него Степка, когда обломок льдины ударил по пластмассовому корпусу «Спидолы».

— Тогда ты руби, — тяжело дыша, сказал Андрейка и передал топор Степке.

Руки быстро уставали. Миша сменил Степку, а потом довольно быстро уступил топор Андрейке.

Примерно через час стало заметно, как свет пробивается через утончившийся лед.

Андрейка вдруг прекратил работу, отставил топор и велел потушить в пещере все свечи. Тогда стало отчетливо видно то место, где должно быть окно.

— Больше свечи не зажигать! — скомандовал Андрейка. — Будем утончать лед до тех пор, пока в пещере не станет достаточно светло, чтобы можно было читать.

Увлеченные работой, ребята не заметили, как помрачнело небо, покрылось темными тучами, ветер усилился и понес мокрые хлопья снега. Потом пошел и настоящий снег, поднялась дикая весенняя пурга.

А в пещере все копали. Теперь Андрейка почти весь помещался в вырубленной нише.

— Ух и толстый лед! — проговорил он и спустился на пол пещеры, отряхивая ледяную пыль.

Вместо него полез Миша. В ледяной нише было тесно и очень холодно. Может быть, от-

того, что при каждом ударе топора за шиворот сыпались мелкие льдинки, таяли и текли под рубашку ледяными струйками.

Миша решил попробовать — достаточно ли толст еще лед, а потом уже выровнять будущее окно. Он ударил изо всех сил раз, другой и вдруг с ужасом почувствовал, как топор провалился, выскочил наружу. В образовавшееся отверстие ворвался ветер с мокрым снегом и залепил глаза.

— Что ты там натворил? — закричал Андрейка и полез в нишу.

— Дыра, — растерянно ответил Миша. — Топор провалился!

— Топор провалился! — передразнил Андрейка. — Ты же испортил всю работу. Разбил окно!

— Так откуда я мог знать, что там тонко? — оправдывался Миша. — Ткнул топором — а он взял и вылетел.

— Взял и вылетел! — протянул Андрейка. — Вот теперь иди и принеси его.

Миша молча побрел к выходу из пещеры. Он отодвинул пластину льда, закрывавшую вход, и протиснулся через узкий лаз наружу.

Он попытался подняться, но вынужден был снова встать на четвереньки, потому что держаться только ногами за лед не было никакой возможности — воздух стал плотным, напирал, норовил снести, погнать через торосы. Снежная пыль слепила глаза, забивала рот и нос, сбивала дыхание.

Миша застыл от ужаса. При таком ветре не то что отыскать топор, но даже сделать шаг от ледяной пещеры невозможно. Миша повернулся и пополз обратно.

— Ужас, что там творится! — сказал он, едва отдышавшись.

Ничего не говоря, Андрейка полез наружу и тут же возвратился.

— Кажется, мы влипли, — сказал он упавшим голосом. — Пурга такая — идти нельзя.

Чтобы удостовериться в силе снежного урагана, не надо было выходить из ледяной пещеры — в дыру, пробитую Мишей, дуло изо всех сил, и под ней уже успел образоваться изрядный сугробик.

— Придется здесь переждать пургу, — заключил Андрейка.

— Надо заткнуть дыру, — сказал Степа и принялся обшаривать пещеру.

— Отсюда ничего не сделать — надо выйти наружу, — сказал Андрейка. — Ты, Миша, сиди здесь, а мы со Степой вылезем и накроем льдиной дыру.

Мише ничего не оставалось, как кивнуть: ведь это он виноват в том, что улетел топор, а вместо окна из тонкого голубоватого льда получилась безобразная дыра, в которую летит снег и ветер.

Ребята выползли наружу и исчезли в пурге. Миша затаил дыхание, прислушался, но, кроме воя ветра и потрескивания льда, ничего не услышал. «А вдруг ветер их унесет и я останусь один?» — мелькнуло в мыслях у Миши, и тревога охватила его... Ледяная пещера сразу же потеряла привлекательность, как только он остался в ней один. Потухшие свечи покрылись снежной пудрой, снежная пыль лежала на пустых мешках-подстилках.

Миша сообразил: ведь он увидит ребят, когда они подберутся к дыре!

В нише, вырубленной в ледяной стене, бушевала маленькая пурга. Не обращая внимания на летящий снег, Миша подобрался к дыре, к самому отверстию, зажмурился, чтобы снежинки не били по глазам, и закричал.

Переводя дыхание, он, к удивлению, услышал Андрейкин голос:

— Ты чего там? Одурел совсем?

Миша почувствовал такую радость, что не сдержался и совсем грубо ответил:

— Одурел!

Ребята возились на обломке айсберга, а Миша не уходил из ниши, прислушивался к их тяжелому дыханию, к звону льдины, которую ребята подтаскивали, чтобы закрыть злосчастную дыру.

— Давай, подтаскивай! — командовал Андрейка. — А теперь снегом надо залепить, чтобы щели не было, — и в ответ раздался сердитый Степин голос:

— Пурга все доделает!

Льдина действительно плотно легла на дыру, и в пещере тотчас прекратилась пурга.

— Как там? — приглушенным голосом спросил Андрейка.

Пурга уносила его слова в сторону, и Миша едва-едва его услышал.

— Хорошо! — закричал он изо всех сил. — Льдина плотно лежит. Возвращайтесь назад!

Облепленные снегом, ребята вползли в пещеру. Они долго отряхивались у входа, а Миша достал спички и принялся зажигать свечи. Фитили, покрытые снежной пылью, не хотели гореть, шипели, гасли. Но вот зажглась одна свеча, другая, третья, и в пещере стало уют-

нее и даже вой ветра снаружи стал будто слабее.

— Оставь одну свечу! — приказал Андрейка. — Остальные погаси.

— Почему? — возразил Миша. — Так ведь лучше.

— А что ты будешь жечь завтра, послезавтра? — спросил Андрейка.

— Другие свечи принесем, — добродушно ответил Миша.

— Интересно, — протянул привычным для него тоном Андрейка, — как ты собираешься принести свечи в такой ветер? Может быть, и хлеб доставишь, и консервы? Степка, включи приемник, послушаем, который час.

— А зачем нам знать, который час? — поинтересовался Миша.

— Чудак, — ответил Андрейка. — Если уже поздно — ляжем спать. Во сне время быстрее проходит.

— Домой не пойдем? — Миша задал этот вопрос больше для собственного успокоения, потому что теперь и так все было ясно.

— Тут побудем, — неожиданно потеплевшим голосом ответил Андрейка.

Честно говоря, Андрейке больше всех было страшно. Во-первых, наверное, он один знал всю опасность, которая подстерегала ребят в ледяной пещере. Нет, с самой пещерой ничего не случится. А вот ветер может оторвать припай. И вместе с припаем — айсберг с пещерой. То, что придется ночевать здесь, может быть, не одну ночь, голодать — это не самое страшное. Что, если унесет в открытое море?..

— Нам еще ничего, — бодрым голосом сказал Андрейка. — А вот каково охотникам! Мы-то переждем, поспим.

Приемник хрипел, сипел, а потом вдруг послышалась громкая английская речь, словно диктор находился рядышком.

— Поищи другую станцию, чтобы по-русски говорили! — попросил Андрейка.

Степка поймал Анадырскую станцию. Диктор объявил, что местное время восемь часов.

— Пора спать! — сказал Андрейка. — Ляжем поплотнее, чтобы не мерзнуть.

13.

Тревожное чувство, охватившее Мишу, не давало сомкнуть глаз. Он не мог прямо спросить об опасности, чтобы товарищи не подумали, что он струсил. Вот только мама... Уж она-то не спит... И папа тоже. Разговаривают, спорят. Мама говорит, что зря позволяли Мише уходить вместе с Андрейкой и Степой... Вот чем это кончилось... Папа утешает ее, а самому ему тоже тревожно. А может, папа уже вы-

шел на вездеходе на поиски. И начальник погранзаставы, и Аникай-старший, и Сотгыткы, и начальник полярной станции. Все они ищут... Все жители Тэпкэна. Может, даже маяк зажгли на горе и луч шарит по льдам, отыскивая айсберг...

Эти мысли успокоили Мишу, и он забылся глубоким сном.

Андрейка прислушался к его дыханию. Нет,

не вздыхает, не всхлипывает втайне. Молодец, Мишка! Настоящий ленинградец!

Конечно, сейчас в Тэпкэне переполох. А папа бежит из погранзаставы в интернат, в квартиру Мишиных родителей, и всех уверяет, что на Андрейку можно положиться... Папа это говорит, а сам думает: «Ну, пусть только вернется!»

Вот это нехорошо. Будет стыдить, корить... Уж лучше бы побил... Как же получилось, что он проворонил начало пурги? Увлёкся проклятым окном, которое все равно не получилось!

Андрейка тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Это только кажется, что пол в пещере ровный. Пока не ляжешь. Даже свернутые старые мешки не помогают. Вот если бы настелить оленьи шкуры! Было бы не только мягко, но и тепло. А пурга все бушует. Хорошо слышно, как ветер беснуется. А если занесет вход?.. От этой мысли Андрейка вскочил, но тут же сообразил — ведь есть дыра. В крайнем случае ее можно расширить.

Если пурга продлится несколько дней — придется поголодать. Андрейка никогда не голодал. Такого ему не пришлось испытать, хотя прошлое его родителей и дедов было полно рассказов о повальных голодовках, когда на побережье вымирали целые селения, исчезали оленеводческие стойбища. Бывало, что Андрейке хотелось есть — самое большее полдня... А так, чтобы несколько дней... Трудно будет. Главное, Миша. Спит себе и не представляет, что может быть... Угораздило же его в первую зиму попасть в такую переделку...

Раньше всех в ледяной пещере заснул Степка. Ему не впервые быть застигнутым пургой. А в ледяной пещере — что можно придумать лучше и удобнее?

Степка поерзал на полу, стараясь найти удобное положение. Конечно, ледяной пол — это не мягкая моховая тундра, которая пружинит под тобой, как поролон. Но зато тихо, не дует и сравнительно тепло. А вот как застигнет пурга в оленьем стаде, так там не устроишься, не уляжешься с удобствами: надо быть начеку, готовым кинуться наперерез волчьей стае и встать и брести через ветер и снег собирать оленей, поднимать упавших... Сейчас надо поспать крепко, а завтра будет видно, что делать. Теперь не середина зимы, пурга продлится недолго, может быть, самое большее дня четыре...

Степка скрючился, чтобы тепло не уходило, придвинулся плотнее к Мише и заснул.

Федор Николаевич сидел у телефона. Трубку он плотно прижал к уху.

— На маяк уже ушел механик и через несколько часов будет пущен движок и зажжен прожектор... Наготове вертолет и поисковые самолеты. Наши наблюдатели передают, что льдина медленно движется на северо-восток. Ребятам в данное время ничто не угрожает, если только они не вздумают переправляться к берегу... Вся надежда на Андрейку Аникая.

Начальник погранзаставы положил трубку.

Виктор Павлович посмотрел на него.

— А вы бы пошли домой, — сказал Федор Николаевич. — Галине Михайловне одной тяжело.

— Скажите, чем я могу помочь? — взволнованно повторил Виктор Павлович.

Аникай-старший сказал:

— Подождать надо, когда утихнет ветер. Льдина толстая, айсберг крепкий. Утихнет ветер — снимем мальчишек...

Директор школы-интерната проглотил несколько таблеток валидола, повторил несколько раз «это ужасно» и ушел к себе.

Начальника погранзаставы тревожили другие заботы. Ветер уносил ледяное поле в сторону нейтральных вод.

— Разрешите войти?

В комнату вошел запорошенный снегом солдат.

— Товарищ начальник — Аймет не вернулся с охоты!

— Ну вот — еще один, — вздохнул начальник погранзаставы и поднял телефонную трубку.

Пока он кричал невидимому собеседнику, что во льдах находится еще один человек, охотник Аймет, Виктор Павлович думал, что сказать жене.

Конечно, он перескажет все слова, которые сказал и Аникай-старший, и Федор Николаевич, телефонные разговоры с районным центром, с командованием Аэрофлота, пограничной охраны, полярниками, но он не сможет передать ей той уверенности в счастливом исходе, которая есть у Аникая-старшего, у начальника пограничной заставы...

Он встал и сказал:

— Ну, я пойду домой.

— Правильно сделаете, — ответил Федор Николаевич. — Передайте Галине Михайловне, чтобы не волновалась. Все делается для того, чтобы ребят вызволить.

Виктор Павлович оделся и шагнул в белесую крутящуюся мглу. Ветер подхватил его и потащил в сторону моря. Он едва удержался на ногах. Воздух был такой плотный, что на него можно было лечь.

Виктор Павлович посмотрел в сторону моря. Но дальше протянутой руки ничего нельзя было увидеть. В редкие паузы, когда нена-

долго обрывалась плотная стена летящего снега, Виктор Павлович видел дома и, стараясь не сбиться с дороги, шагал к себе. Нет ничего проще сбиться с пути даже в самом центре Тэпкэна. Случается, что какой-нибудь неопытный прохожий замерзает буквально в двух шагах от дома.

... Но каково там ребятам? Виктору Павловичу представилась ледяная пещера, темная, неудобная, наполовину заполненная водой, и ребята, поджимающие под себя ноги, плачущие, шепчущие имена близких... Спазма перехватила горло, и Виктор Павлович вдруг почувствовал, как ему не хватает дыхания. Проклятый ветер! Он то раздувает легкие, врываясь в широко раскрытый рот, то вдруг создает пустоту и нечем дышать.

Виктор Павлович наткнулся на стену, вытянул руки и так, держась за стену, стал пробираться к двери. Она была наполовину занесена снегом. Отбросив ногой сугробик, Виктор Павлович рванул на себя дверь и очутился в сенях, оставив за собой ревущее пространство. В углу сеней лежали собаки, слегка припорошенные снегом.

Галина Михайловна не спала. Она сидела перед затемненной настольной лампочкой. Глаза у нее были сухие, но по всему было видно, что она только что плакала и вытерла слезы, услышав, как открылась дверь.

Виктор Павлович почувствовал к ней острую жалость, но тут же взял себя в руки и естественно бодрым голосом сказал:

— Все идет очень хорошо! Приняты все ме-

ры. Можешь считать, что Миша в полной безопасности. Как только утихнет ветер, самолеты и вертолеты поднимутся в воздух за нашими ребятишками...

Виктор Павлович говорил и по глазам жены видел, что она не верит ему, но понимает, что он говорит ободряющие слова, чтобы успокоить ее.

— Вот и хорошо! — произнесла она излишне громко. — Поешь и ложись спать! Во сне и время незаметно пройдет!

— Да, ты права, — ответил Виктор Павло-

вич, тяжело усаживаясь на диван.

Галина Михайловна быстро накрыла на стол и уселась напротив.

Виктор Павлович не хотел есть, но старался изо всех сил. Он долго жевал ставшее вдруг страшно невкусным холодное оленье мясо, с трудом глотал, запивая его горячим чаем, и под тяжестью взгляда жены что-то говорил, говорил, говорил, думая все об одном и том же, видя перед собой все одну и ту же картину — сгрудившихся на жалком обломке льдины ребятишек.

14.

Андрейка проснулся и первое время не мог сообразить, где он. А когда окончательно пришел в себя, ему захотелось, чтобы все происшедшее оказалось сном, как это часто бывает. Но окоченевшее тело, замерзшие ноги ясно указывали на то, что он лежит там же, где лег вчера. Кругом — холодный толстый лед пещеры, подо льдом огромная толща холодной океанской воды. Андрейка прислушался: ветер пел вчерашнюю песню. Она доносилась сюда еле слышно, каким-то мягким, но зловещим шелестом.

Андрейка затаил дыхание, напряг слух и почувствовал какое-то странное покачивание. Догадка молнией ударила в голову: льдину несет в открытое море!

Андрейка задышал громко, тяжело и услышал тревожный вопрос:

— Что с тобой?

Это был Степка голос.

— Ничего, — ответил Андрейка, продолжая прислушиваться.

— Я думаю, что мы плывем, — спокойно произнес Степка. — Мне снилось, что я лечу на самолете, проснулся, притаился и чувую — льдина наша шевелится.

— Брось, — попытался разуверить друга Андрейка. — Это тебе со сна кажется.

— А вот и не со сна! — возразил Степка. — Мне никогда ничего не кажется. У меня, как у космонавта, все системы работают нормально!

— Ладно, ладно, — зашептал Андрейка, — только не шуми! Мишу разбудишь.

А Миша уже не спал. Он слушал разговор Андрейки и Степки, и страх заползал вместе с холодом под нижнюю рубашку. Вдруг очень захотелось заплакать. Некоторое время он еще притворялся спящим, прислушиваясь к тихому разговору.

— Влипли мы с тобой, — говорил Степка. — Попадет нам. Чего доброго и родителей из тундры вызовут.

— Ну, пока твои родители придут, нам с Мишей достанется, — вздохнул Андрейка.

— Ладно, не переживай, — подбадривал друга Степка, — вместе ответим... Главное, чтобы Миша не догадался. Давай не будем говорить, что льдину оторвало.

— Вообще надо его ободрить, чтобы голову не вешал, — сказал Андрейка. — Вот только как сделать, чтобы он не узнал?..

— Не выпускать его из пещеры, — предложил Степка.

— В такую пургу это не трудно. А вот как утихнет...

— Пока утихнет, что-нибудь придумаем.

Вдруг ребята в один миг приумолкли.

— Мне показалось — проснулся, — прошептал Степка.

— Спит, — сказал Андрейка. И в его голосе слышалась забота... Это было для Миши так необычно, приятно. Да и страх куда-то ушел, и появилось даже чувство некоторого спокойствия. Если ребята так беспокоятся о предстоящих наказаниях, значит, у них есть уверенность в возвращении на землю.

С этими мыслями Миша снова уснул, а когда окончательно проснулся, почувствовал, что в пещере теплее. Горела одна свеча, а в углу синим пламенем мерцал сухой спирт, нагревая чайник.

Андрейка громко сказал:

— Придется посидеть в пещере — пурга продолжается.

— Надолго? — спросил Миша.

— Нет, — бодро ответил Андрейка, — самое большее, несколько дней.

— Точно трудно сказать, — вмешался Степка. — Вот когда в тундре задувает в это время года — это надолго.

— В море совсем не так, как в тундре, — перебил его Андрейка.

— Да-да, — закивал Степка. — Здесь пурга может внезапно кончиться.

— И так бывает, — подтвердил Андрейка,

вспомнив, как затихает пурга среди дня, и уже через несколько минут не верится, что вот только что все бушевало вокруг и вершины высоких сугробов курились снегом.

Некоторое время Миша чувствовал какую-то неловкость. И не оттого, что он спал в ледяной пещере, не от услышанного перед пробуждением разговора, не от тревоги, а чего-то иного. Он старался понять, что его тревожит, пока не догадался: не надо умываться, чистить зубы!

Андрейка заявил:

— Сегодня после чаепития — пионерский сбор!

Это было что-то новое. В обычных условиях, в школе, Андрейка первым старался увильнуть от пионерского сбора, а тут сам предлагает.

От горячего кипятка так захотелось есть, что в желудке заныло и заурчало.

Миша выпил три кружки, но голод только приутих.

Андрейка погасил синее пламя сухого спирта и осторожно задвинул таганок в нишу.

— Считаю пионерский сбор открытым! — без всякого перехода заявил он. — Будем выбирать звеньевого. Какие будут кандидатуры?

— Тебя, — отозвался Степка.

— Надо говорить полностью имя и фамилию, — строго заметил Андрейка.

— Андрея Аникая, — повторил Степка.

— Есть другие предложения? — в голосе Андрейки явственно слышались нотки старшей пионервожатой.

— Нет других, — ответил Миша.

— Будем проводить тайное голосование, — сказал Андрейка.

— А как ты сделаешь это? — удивился Степка. — Надо бюллетени и урну.

— Без урны и без бюллетеней обойдемся, — сказал Андрейка. — Вот как. Кто будет голосовать за Андрея Аникая, тот положит в мою шапку какую-нибудь штучку.

Андрейка сдернул шапку и протянул вперед.

Степка пошарил в кармане и нашел огрызок карандаша.

Миша нашел календарик из плотной бумаги, на одной стороне которого был изображен «Медный Всадник».

Андрейка потряс шапкой, подержал некоторое время и открыл.

— Единогласно! — объявил он и вернул вещи владельцам.

После выборов наступила тягостная пауза,

и сам новый звеньевой не знал, что делать дальше.

— Может быть, сначала посмотрим, что делается снаружи? — робко предложил Степка.

Осторожно отодвинули льдину, которой было закрыто несостоявшееся окно, и пещера тотчас заполнилась сырым летящим снегом.

Снаружи уже был день, только нельзя было сказать, сколько времени.

Андрейка наполовину высунулся из круглой дыры и огляделся. Снежная пелена не была такой плотной, как вчера, и кое-что можно было разглядеть. Скорость ветра так усилилась, что открытые глаза тотчас заполнялись слезами и весь пейзаж начинал дрожать и сливаться. Всмотревшись, Андрейка увидел широкую водную полосу, отделившую ледовое поле, на котором находилась пещера.

Степка и Миша внимательно смотрели на ноги Андрейки, ждали, когда он выберется наружу.

«Будто в открытый космос выходим», — вдруг вспомнил виденное по телевизору Миша.

— А мы вроде бы в космическом корабле, — развил мысль Степка.

Наконец ноги Андрейки исчезли, впустив в пещеру яростный ветер.

Теперь полез Степка. Он быстро проскользнул в широкую дыру и распластался рядом с Андрейкой. Ветер был так силен, что надо было прилагать немалые усилия, чтобы удержаться на покато́й поверхности айсберга.

Он сразу же обратил внимание на черную полосу открытой воды, испещренной белыми барашками волн.

Ребята очертили взглядом размеры льдины, на которой остался айсберг с пещерой.

Степка изучал каждый ро́пак, каждый торос — а вдруг придется готовить посадочную площадку?

Вон тот торос им втроем не осилить, поэтому полосу надо делать вон там, где чернеет льдинка... А может, это не льдинка. Но что еще может быть, кроме льда, в Ледовитом океане? А вдруг нерпа?

Степка осторожно ткнул Андрейку в бок и показал рукавицей на темное пятно.

— Это не нерпа?

Андрейка протер глаза тыльной стороной рукавицы. Что-то на нерпу непохоже...

— Похоже, что это человек, — протянул Андрейка.

Ребята скатились с айсберга и, цепляясь за торосы, направились к темному пятну.

— А вдруг это — американец? — принялся фантазировать Степка. — Что мы с ним будем делать?

— Арестуем, — твердо сказал Андрейка.

Да, это был человек. Он поднялся на ноги и ждал ребят.

— Это не американец, а Аймет! — несколько разочарованно сообщил Андрейка.

— Правда, Аймет! — воскликнул Степка. — Его послали за нами!

Но Аймет не был послан за ребятами.

— Откуда вы взялись? — закричал он еще издали.

Андрейка не нашелся ничего лучшего как ответить:

— А мы тут живем.

— Как это — живете?

— В пещере...

Вдруг Аймет громко попросил:

— А ну, помогите мне, — и зашел за торос.

Две связанные друг с другом нерпы были слегка припорошены снегом. Это была еда, избавление от голодной смерти. Теперь можно спокойно ждать спасения и единственным врагом оставался Ледовитый океан. Даже не океан, а ураганный ветер, который и не собирався утихать.

Ребята впряглись в ременную упряжь и потащили нерп в пещеру.

Аймет через верхний лаз спрыгнул внутрь пещеры и предстал перед Мишей, потерявшим дар речи от изумления.

— Операция «Чукотка»! — словно пароль, выкрикнул Аймет и встал посреди пещеры. — Хорошо вы тут устроились!

Андрейка поставил на место льдину, заделал дыру, и в пещере стало тихо. Миша зажег свечу, а Степка засветил в таганке синее пламя сухого спирта.

— Хорошо-о! Хорошо-о-о! — только и произнес Аймет, принимаясь разделывать нерпу.

Он вытащил розовую печень и разрезал на кусочки. И Степка и Андрейка с жадностью хватили сырую печень и, не жуя, глотали.

Миша взял кусок и осторожно положил в рот. Печенка была холодная и сладковатая. Миша проглотил кусок. И вдруг голод вспыхнул с такой силой, что дальше он уже не разбирал — ел белый нерпичий жир, печень, темное мясо — и всё это сырое, холодное, подмёрзшее.

— Не наваливайтесь, берегите желудки, — предостерегал Аймет ребят, но они не остановились, пока не насытились, и тогда принялись за горячий кипяток.

Аймет держал обеими руками горячую кружку и рассказывал:

— Второй раз попадаюсь. В первый раз это было лет пятнадцать назад. Молодой тогда был. Попал посреди зимы, в самые морозы. Ветер был южный, а течение в обратную сторону — через Берингов пролив в Тихий океан. Меня ищут на севере, а я плыву на юг. Все себя съел — и ременную упряжь, и тонкую кожаную бечеву, и ременной переплет на во-

ронных лапках. Еле выбрался на берег где-то очень далеко. Иду по берегу, голодный, слабый. Вышел на звероферму. Кое-какой корм был у лисиц. Позаимствовал у них, передохнул под клетками и пошел дальше. Прихожу в дом к знакомому — никого нет. На плите большой белый таз, полный вареных оленьих языков. На столе коньяк. Снял я с себя всю одежду, напялил какое-то женское платье, выпил стакан коньяку и давай есть. Не знаю, сколько съел языков, как добрался до кровати. Только скажу — спал ровно сорок восемь часов. Хозяева потом рассказали. При-

ходят они из кино, видят — прямо на полу на кухне валяется снятая одежда. Прислушались — храп из комнаты. Зашли — а это я. Еще больше удивились, потому что считали меня давно погибшим. Вот так. А сейчас хорошо, — произнес в заключение Аймет и широко зевнул. — И пещера есть, и еда, и спать можно.

Он поудобнее пристроился на постеленных мешках и закрыл глаза.

Ребят тоже охватила дремота, но Андрейка не дал спать. Он вдруг потребовал, чтобы Миша рассказал подробно о Ленинграде.

— Будем хотя бы по географии заниматься, — сказал он.

Миша не мог сразу сообразить, как лучше начать рассказ. И неожиданно для себя начал так:

— В Ленинграде, когда Нева замерзает, лед не бывает гладким. И на Финском заливе то же самое. А когда задувает ветер, стоит выйти на замерзшую Неву — вот тебе и пурга, и торосы...

— Чего-то ты не то говоришь, — прервал рассказчика Степка. — Если такая пурга, как же штурмовали Зимний дворец?

— Революция — она при всякой погоде бы-

вает, — храбро ответил Миша, — а потом — когда это было! Я говорю про нынешний Ленинград. Знаешь, какой ветер бывает на Неве? Человека может сдуть с моста!

— Не сдует, — возразил Степка, которому не хотелось видеть Ленинград таким суровым. — Я видел на картинках — там такие ограждения, зацепится человек.

— Если не верите — чего же упрашивали? — обиженно заметил Миша и наотрез отказался продолжать рассказ.

Ребят сморил сон.

Они улеглись рядышком, плотно прижавшись друг к другу.

15.

Сначала показались ноги Аймета, потом задравшаяся кухлянка и после этого его голова, плотно затянутая в малахай.

— Очень плохая погода! — произнес он и поплелся в угол, где спал. — Чего-то прогудело над головой, может быть, самолет, — медленно продолжал он, разуваясь. Аймет очень заботился о своих торбазах и вчера, прежде чем заснуть, снял их, расправил травяную подстилку и положил сушиться на ледяной при-

ступочке. То же самое посоветовал сделать ребятам: «Ноги — это самое важное. Важнее даже, чем голова и неполное среднее образование».

Сообщение о самолете взволновало ребят, а Миша удивился, что Аймет об этом сказал так спокойно и буднично.

— Давайте сами посмотрим, — предложил он, — пока дыру не заткнули.

Все трое вылезли на вершину айсберга. Ве-

тер свирепствовал. Он сдул со льдин все, что можно было сдуть, вымел снег из трещин, из ледовых складок. А то, что не мог поднять, пригладил, спрессовал так, что снег не уступал по твердости многолетнему льду.

Видимость была отличной, и солнце светило, слепя глаза.

— У-у, как далеко видно, точно в тундре! — прокричал Степка.

Такого простора Мише никогда не доводилось видеть. В городе горизонт всегда загорожен высокими зданиями, а на даче солнце садилось за дома или за дальний лес... А здесь к горизонту льдины теряли свои очертания и даже трудно было сказать, открытая ли там вода или сплошное ледовое поле.

В южной стороне, где должен быть берег, простиралось плотное крошево битого льда, переходящее у синего горизонта в чистую воду.

— Далеко мы отплыли, — уныло произнес Миша, с болью в сердце ощутив всю ширь пространства, отделившего его от берега, от Тэпкэна, от папы и мамы, от Ленинграда...

— Берег еще виден, — заметил Андрейка.

— А вон самолетик, — произнес вдруг Степка и показал рукой.

Прошло минут десять, прежде чем Миша и

Андрейка разглядели маленький самолет, словно приклеенный на небе чьей-то озорной рукой.

— Нас ищут! — закричал Миша и тут же под напором ветра покатился вниз, больно ударившись коленкой о гладкий твердый лед.

Он продолжал кричать от радости, от мысли, что кто-то все-таки нашел их, разыскал в этом беспредельном пространстве!

И все кричали, размахивали руками, пока Андрейка не сообразил, что летчику не увидеть и не услышать их на таком расстоянии.

Миша попытался взобраться обратно на вершину айсберга, но невозможно было уцепиться за гладкий лед.

— Не могу подняться! — крикнул он, но ветер унес слова. А ребят наверху уже не видно, они скрылись за ледяной громадой.

Он сделал еще попытку подняться, но тщетно. Потом решил поискать сторону ровнее и пополз вокруг айсберга, низко пригибая голову. Айсберг был гладкий и крутой со всех сторон. Чем больше полз Миша, тем яснее становилось для него — ему ни за что не взобраться. От досады навернулись на глаза слезы. Но ведь был же вход снизу! Где же он?

Миша еще раз пополз вокруг айсберга, тщательно исследуя каждый сантиметр плотно

убитого снега. Старый вход он увидел еще издали. Большая льдина стояла так, как ее поставили ребята два дня назад. Да и снегом она была почти не замечена, только маленький сугробик подпирал снизу ледяную плиту.

Миша вцепился в край льдины и потянул. Не сразу, но плита поддавалась, и перед Мишей открылась внутренность ледяной пещеры и глаза Аймета, полные недоумения.

— Кто ты? — спросил охотник.

— Миша я, — ответил мальчик, протискиваясь в узкий лаз, между отодвинутой льдиной и стеной ледяной пещеры.

Аймет подошел ближе, удостоверился, что это действительно Миша, и помог ему.

— А где остальные?

— Сейчас придут, — ответил Миша и посмотрел вверх, где светлым кругом виднелась дыра.

Андрейка и Степка скатились с айсберга и поползли вокруг ледяной горы в поисках пропавшего.

— Куда он мог запропасться? — недоумевал Андрейка, и в его голосе слышалась настоящая тревога.

— Надо его искать по ветру, — предложил Степка. — Его, наверное, понесло вон туда.

Держась друг за друга, ребята побрели от айсберга. Кругом все стало твердым и скользким. Куда ни поставишь ногу, она натывается на острые края торосов, на торчащие ропаки. Снег уплотнился и по твердости не отличался от льда.

Во весь рост невозможно было идти. Ветер тут же валил на лед или заставлял бежать, приходилось брести почти на четвереньках.

— Он где-нибудь лежит! — утешал сам себя Андрейка.

— Зацепился за льдину и отдыхает, — поддакивал Степка, а в душе у него было мутно и беспокойно, словно ветер ворвался туда вместе со стужей.

Мальчики довольно далеко отошли от айсберга, но Миши нигде не было. Впереди открылась вода, полная битого льда и ледяной кашицы.

— Все, — упавшим голосом произнес Андрейка.

— А может быть, он лежит с другой стороны айсберга? — предположил Степка.

— Так мы же кругом смотрели, — ответил Андрейка.

Ребята побрели назад, теперь уже против ветра, цепляясь за каждый ропок.

— Опять самолет, — сказал Андрейка и поднял голову. На этот раз самолет летел низко, и поначалу был слышен нарастающий, прорывающийся через грохот ветра звук мотора.

— Вот он! — закричал Степка и в ту же минуту над головами мальчиков пронесся самолет. Им даже почудился жар мотора. Ребята вскочили на ноги и принялись махать руками вслед самолету, кричать изо всех сил. Но самолет, не меняя курса, удалялся, пока шум его не растворился в свисте ветра.

— Он видел нас! — закричал Степка.

— Если бы он видел нас, он бы вернулся! — разочарованно сказал Андрейка.

Ребята еще раз тщательно обследовали торосы. Вдруг Степка выпростал из рукавицы руку и пальцем постучал себе по лбу.

— Ты что? — удивился Андрейка.

— Он уже в пещере! — закричал Степка.

— Чего? — спросил Андрейка. Степка еще ближе придвинулся к товарищу и закричал прямо в ухо, отогнув капюшон камлейки:

— Он вошел через старый ход! Посмотри!

Ледяная пластина, прикрывавшая старый ход в пещеру, была небрежно прислонена, и ясно было видно, что ее недавно отодвигали.

Ребята легко отодвинули ее и вползли в пещеру.

— А мы уж думали выходить на поиски! — сказал Миша.

— Чего нас искать, когда мы тебя искали, — ответил Андрейка.

— Аж до воды добрались, — добавил Степка. — Несет нашу льдину, как парусный корабль... И еще самолет мы видели. Низко-низко пролетел.

— Самолет и я видел, — сказал Аймет. — Высунулся — а его и след пропал. Низко летел, от моторного шума даже снег посыпался.

— Нас ищут! — радостно воскликнул Миша.

— Ищут — это верно, — рассудительно сказал Аймет. — Вот только как найдут, если мы все время сидим в пещере?

— А что делать? — спросил Андрейка.

— Флаг хотя бы поставить и дежурить по очереди, махать — как бы раздумывая, медленно проговорил Аймет. — Или дымный костер зажечь из тюленьего жира.

— Так надо немедленно это сделать! — горячо воскликнул Андрейка. — Пока мы раздываем нерпу, пусть Миша подежурит на вершине.

После некоторого обсуждения решено было разорвать на флаг камлейку Степы, благо она была самая заметная, полосатая, сшитая из плотной матрасной материи.

Аймет крепко прикрутил широкую полосу ткани к охотничьему посоху, и Миша влез на вершину айсберга, устроившись крепче, чтобы ветер не повалил ни его самого, ни флаг, который сразу развернулся и затрепетал на ветру.

16.

Горючее кончалось, и пора было возвращаться в Тэпкэн. Обратный полет — против ветра, и надо так рассчитать, чтобы мотор не заглох над морем, разорванным широкими полыньями и полосами ледяных полей.

Летчик осторожно развернул машину, чтобы сильный ветер не опрокинул самолет. Наблюдатели не отрывали глаз от иллюминаторов, и каждый протупывал взглядом все подозрительные пятна на белых ледяных полях.

Раз Виктор Павлович заметил что-то подозрительное на вершине айсберга. Но когда вернулись и снова пролетели над этим местом уже совсем низко, едва не задевая лыжами вершины торосов, не увидели ничего кроме пятен, похожего на лаз в медвежью берлогу. Начальник полярной станции так и сказал: «Мишек напугали».

Галина Михайловна сидела дома, не выходила к самолету. Она знала, что поиски кон-

чились безуспешно: об этом сообщил ей по телефону радист, который держал постоянную связь с самолетом.

В связи с улучшением видимости из Анадыря летели еще два самолета, а в районном центре были готовы вылететь два вертолета: гражданской авиации и пограничников. На высоком мысу по очереди дежурили охотники с биноклями, обшаривали все льдины, которые только можно было поймать в поле зрения.

Всех, кто принимал участие в поисках, озадачивало то, что не было обнаружено ни одной приметы, ни одного признака человека во льдах! По всем данным дети не могли погибнуть вот так сразу. Не мог погибнуть и опытный охотник Аймет. Но все четверо словно провалились сквозь льды!

Виктор Павлович отвел глаза. Самолет пересекал прибрежную полосу. Вдруг у него блеснула новая мысль: ведь ребята сидят в ледяной пещере! В такой ветер торчать на поверхности льда холодно. Он повернулся к начальнику полярной станции:

— Они сидят в пещере и не выходят! И покажутся, как только стихнет ветер!

— Вы правы, — крикнул начальник полярной станции.

Едва распахнув дверь домой, Виктор Павлович крикнул жене:

— Они сидят в пещере!

— Ты видел Мишу? — радостно воскликнула Галина Михайловна. — Он жив?

— Конечно, он жив! — ответил Виктор Павлович. — Ребята сидят в ледяной пещере и не выходят, потому что сильный ветер. С ними опытный охотник Аймет, и, возможно, у них есть еда!

— Да, но как ты мог их видеть, если они, как ты говоришь, сидят в ледяной пещере?

Виктор Павлович растерялся.

— Видеть-то мы их не видели, — забормотал он. — Но таково последнее предположение. Иначе бы мы их обязательно увидели...

Глаза у Галины Михайловны потухли, она отошла и села обратно на диван, закутавшись в теплый платок.

— Завтра мы должны их увидеть! — убежденно сказал Виктор Павлович. — Начальник полярной станции сказал, что барометр поднимается, ожидается улучшение погоды...

— Мне кажется, что этот ветер никогда не кончится, никогда, — тихо сказала Галина Михайловна и заплакала.

Грустно было и в домике Аникая-старшего, и в общежитии школы-интерната, где жил Степка-оленовод.

Тем временем по невидимым каналам связи летели слова приказов, распоряжений: «Вы-

делить необходимое количество самолетов и вертолетов для поисков... Подготовить аварийные мешки с набором необходимых продуктов...»

Все это стекалось в небольшой домик Тэпкэнского сельского совета, где находился штаб поисков, возглавляемый начальником пограничной заставы Федором Николаевичем.

По местной радиосети были переданы неутешительные новости первого дня поисков.

Из Анадыря уже шел второй самолет, и, не делая посадки в Тэпкэне, летчик решил лететь прямо в море, чтобы не терять драгоценного времени. Его-то и увидел Миша, держащий флаг на вершине айсберга.

Флаг трещал и стрелял над головой, а Миша был занят проблемой, как удержаться на скользкой поверхности и не скатиться вниз, как держать флаг и усесться так, чтобы убежать от пронизывающего ветра.

И когда Миша вроде бы угнезвился на льду и даже стал мечтать, как он первым увидит самолет, в воздухе послышалось знакомое гудение.

Миша поднял голову. Прямо на него бреющим шел большой серебристый самолет. Летчик явно заметил флаг, потому что пролетел прямо над айсбергом, чуть в стороне, снова облетел айсберг, даже покачал крыльями. На шум мотора из пещеры, вымазанные в перпичьем жиру, вылезли Аймет и Андрейка. Андрейка выхватил флаг и замахал им во все стороны. Если бы его не держали за ноги, он свалился бы вниз.

Но самолет, покачав крыльями, набрал высоту и ушел в сторону берега.

— Он заметил нас! — радостно закричал Андрейка.

— Он улетел за подмогой, — спокойно заметил рассудительный Аймет. — Сюда ему не сесть, а вертолет в такой ветер не поднимается. Давайте жировой костер разводить.

На вершину айсберга, в специально выдолбленное Айметом углубление, перенесли перпичий жир. Аймет принялся колдовать, стараясь разжечь холодный жир с помощью таблетки сухого спирта. Но ветер гасил пламя.

Аймет почти ложился на жир, закрывая собственным телом огонек и чертыхался на русском и чукотском языке, время от времени произнося:

— Извините, ребята...

Начальник заставы видел из окна, как на лагуну сел самолет, подрулил к стоянке, где уже стоял второй самолет, крепко привязан-

ный стальными тросами к замороженным якорям.

В комнату вошел летчик.

Поздоровавшись, он сообщил:

— Мы видели человека с флагом...

— Что вы говорите! — Федор Николаевич не ожидал такой удачи.

— Да, но флаг американский, — упавшим голосом сообщил летчик. — Сначала мы не поверили, повернули обратно, облетели еще раз — верно, полосатый...

— Да-да, — медленно протянул Федор Николаевич. — Но странно, с американской стороны никаких сообщений о том, что кто-то у них пропал, нет...

— Может быть, они выжидают, пока стихнет ветер, — предположил летчик.

— Все может быть, — горестно вздохнул Федор Николаевич. — Там же нейтральные воды. Но где же наши мальчики? Где Аймет? Ну никак не может быть, чтобы с ними случилось страшное... Никак этого не может быть!

В комнату вошел начальник полярной станции. У него было сияющее от радости лицо.

— Ветер стихает, — сообщил он.

— Обнаружили человека с американским флагом, — сказал Федор Николаевич.

— Вот видите! — живо отозвался начальник полярной станции. — Значит, и наши ребята скоро будут найдены.

— Вот что, — твердо сказал Федор Николаевич. — Поиски продолжать! А к человеку с американским флагом выбросить продовольствие, палатку, примус с запасом бензина, словом, все необходимое. И еще — напишите в записке, что с наступлением тихой погоды снимем его со льдины.

— Есть! — четко ответил летчик и вышел из комнаты.

С помощью учительницы английского языка составили записку, погрузили в самолет все необходимое и поднялись в воздух.

На этот раз полетел сам Федор Николаевич. Кроме него, в самолете находились Аникай-старший, Виктор Павлович и начальник полярной станции.

Летчик уверенно вел самолет, и через полчаса показался айсберг с человеком на вершине. Рядом с ним трепыхался полосатый флаг.

Самолет с ревом пронесся над айсбергом.

Второй пилот открыл дверцу, и по команде командира столкнул вниз один за другим три мешка. Два из них упали совсем рядом с айсбергом, а один чуть поодаль, но достаточно близко, чтобы его можно было достать.

Когда самолет развернулся на обратный курс, все, кто смотрел в иллюминатор, увидели уже четырех человек у флага.

— Если бы не американский флаг, — сказал Федор Николаевич, — я ни на минуту не сомневался бы в том, что это наши.

17.

— Почему он улетел так быстро? — удивленно произнес Аймет, провожая глазами самолет.

— Может, кроме нас, есть и другие? — предположил Андрейка. — В тот день много охотников вышло в море.

— Ты прав, — согласился Аймет и деловито распорядился: — Мы с Аникаем идем за дальним мешком, а вы — Степа и Миша, прихлопите два ближних.

Ветер уже так ослабел, что можно было идти, пригибаясь почти к самой поверхности льда.

Миша и Степа подошли к первому мешку. Он так сильно ударился об лед, что лопнул. Но все содержимое было в целости. Цел был и второй мешок. Ребята поволокли мешки к ледяной пещере, втащили их через нижний вход и тут же в нетерпении принялись распаковывать. Здесь были всякие консервы — мясные и рыбные, сгущенное молоко и сливки, печенье, хлеб, замороженные пельмени и просто целая замороженная рыба. Кроме этого — стеариновые свечи, бензиновый примус, котелок и чайник.

— Письмо! — закричал Миша и вытащил обычный конверт с запоздалой картинкой Деда Мороза.

В конверте лежал свернутый листок бумаги. Миша осторожно развернул его, и в глаза ударили какие-то странные строчки. Он протер глаза, но тут листок выхватил Степка, пробежал глазами и вопросительно посмотрел на товарища.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он.

— Я тоже, — сказал Миша и снова взялся за листок. — Не по-нашему написано... Послушай, Степка, а может быть, это — по-чукотски?

— Не по-чукотски.

— Значит, самолет не советский? — тихо произнес Миша.

В лазе появились Андрейка с Айметом. Они втащили третий мешок. Не дав им даже отдышаться, Миша показал им листок бумаги и громко сказал:

— Американское письмо!

Андрейка схватил листок, пробежал глазами и с отвисшей от недоумения губой оглядел всех.

— Где вы взяли письмо?

— В мешке! — в один голос ответили Миша и Степка.

— Вот в этом конверте, — Миша подал конверт, на котором было по-русски написано: «С Новым годом!»

Андрейка отложил листок и принялся методично исследовать каждую вещь. Он внимательно читал этикетки на консервных банках, осмотрел примус, развязал третий мешок, который они с Айметом только что приволокли. В мешке лежала тщательно свернутая палатка. Она была ярко-оранжевого цвета.

— Польская палатка, — задумчиво произнес Андрейка. — Я видел такие на базе геологической экспедиции. Их привезли только в этом году и не успели воспользоваться...

Теперь письмо изучал Аймет.

— Похоже на английский язык, — осторожно произнес он.

Аймет почему-то читал громко, вслух, с выражением. Наверное, так читали в его бытность в школе.

— Деар френд! — читал Аймет. — Ве аре... Тут не пойму что... Отдельные слова различаю. И слова Совет Унион. Это значит — Советский Союз...

— Ну а дальше? — в нетерпении спросил Андрейка.

— Дальше забыл, не могу, — Аймет вернул письмо.

— Но почему все консервы — советские? — спросил вслух Андрейка.

— Может быть, эти самые... ну, американцы, решили, что человек привык ко всему советскому — вот и советские продукты послали, — нерешительно предположил Миша.

— Но самолет-то советский! — убежденно заявил Степка. — Он летел от нашего берега. А на крыльях написано: «СССР».

— Ты видел? — спросил Аймет у Андрейки.

— Не обратил внимания, — ответил тот.

— А ты?

Миша попробовал вспомнить.

— Похоже, что это был «ИЛ-14»...

— Ничего не понимаю, — Андрейка еще раз пробежал глазами строчки.

— Изучайте иностранные языки! — настаивательно произнес Аймет, принимаясь сортировать продукты. — Не берите с меня пример.

Ребята помогли ему. Разожгли примус, поставили кастрюлю и вывалили в нее сразу несколько банок мясных консервов. Аймет до-

бавил снегу и сказал, что будет суп. Степка расставил по выступам свечи и зажег. В пещере стало ярко и светло, словно в праздник.

Андрейка все сидел за письмом, и невеселые мысли одолевали его.

А вдруг это — американский самолет? Неужели наши опоздают и на льдину раньше высадятся американцы? Интересно, что написано в письме? Андрейка посмотрел на листок бумаги... Впечатление такое, словно англичанка из тэпкэнской школы писала.

Даже обильный и вкусный обед не развеял его мрачных мыслей.

После обеда Аймет собрал бумажные обертки, все, что могло гореть, вылез на вершину айсберга и топориком, который был приложен к польской палатке, вырубил углубление, куда положил нерпичью шкуру, жир, тряпки, весь мусор и все это облил керосином.

Пламя взметнулось метра на три, и флаг едва не вспыхнул.

Миша с флагом передвинулся чуть дальше. Чадный дым уносился ветром, прибивался к ближайшим торосам, которые на глазах чернели от липкой сажи.

Самолет взял курс на берег.

Но летчик решил еще раз пролететь над айсбергом, на котором развевался американский флаг, а теперь горел сигнальный костер с черным дымом.

— Ожили! — произнес Федор Николаевич, всматриваясь в фигурки.

То ли оттого, что он ожидал увидеть троих детей и одного взрослого, а может, оттого, что на льдине был один высокий, а остальные пониже, казалось, что это и есть Аймет и трое мальчишек из Тэпкэна.

Но развевающийся полосатый флаг не давал повода сомневаться в том, что на вершине айсберга находятся представители соседнего государства — Соединенных Штатов Америки.

А на берегу, на своем советском берегу, ждали с надеждой матери... Ждали дети и жена Аймета.

Федор Николаевич оторвался от иллюминатора: впереди уже показались домики поселка и высокие мачты радиостанции. Завтра можно вылетать на вертолете. Не следует торопиться, может быть, сами американцы прилетят за своими.

18.

В такой тишине каждому прохожему звук собственных шагов казался невероятно громким.

Солнце сияло в небе, и было так тепло, что капало с крыш.

На ледовый аэродром один за другим при-

землялись самолеты. Пришел пассажирский из Магадана, привез почту — целые тюки газет, журналов и писем, накопившиеся за многие дни. Поисковые самолеты немедленно покинули тэпкэнскую лагуну. К полудню прибыл вертолет из бухты Провидения. Командир машины сидел у радиста и с нетерпением ждал разрешения подняться в воздух и снять с льдины американцев.

Поступили первые сообщения от поисковых самолетов. Возле флага и чадающего пламени по-прежнему находились четверо, но с американской стороны не было ни самолета, ни вертолета. Пришло сообщение с главной базы, в котором говорилось: американцы утверждают, что с их стороны во время последнего урагана пропавших нет...

Федор Николаевич повертел в руках послед-

нюю телеграмму и решительно сказал командиру вертолета:

— Летим за американцами!

Вертолет взмыл в воздух и взял курс на айсберг.

А от поисковых самолетов, утюживших Ледовитый океан к северо-востоку от мыса Дежнева, по-прежнему шли однообразные вести: людей не обнаружено...

— Погаси ты свой жирник! — сказал наконец Андрейка Аймету. — В такую погоду только слепой нас не увидит.

От жирной копоти у ребят почернели лица, а сам Аймет, управлявший пламенем, выглядел настоящим негром.

— Пожалуй, и вправду хватит коптить, —

согласился Аймет и принялся обкалывать ножом лед вокруг костра.

В морской тишине ясно слышался звон льда и ножа. Флаг едва-едва трепыхался, но кругом была такая ясность, что даже маленькое темное пятнышко можно было увидеть издали.

— Удивительно, почему за нами не летят? — высказал вслух мысль Аймет.

— А чего торопиться? — отозвался Андрейка. — Они знают, что у нас все есть, ищут других.

Примерно часа три назад мимо айсберга пролетели два самолета.

Снег резал глаза, и поэтому Миша больше сидел с закрытыми глазами, изредка открывая их и обозревая уже надоевший, изученный до мельчайших подробностей пейзаж.

Миша открыл глаза и подумал, что в глаз попала соринка. Он потер глаз тыльной стороной оленьей рукавицы, но соринка не падала.

— Вертолет! — приглядевшись, сказал он.

— Верно! — поддакнул Аймет и с надеждой произнес: — Хоть бы не пролетел мимо, на минуточку сел бы и папироску дал!

Вертолет на глазах обретал очертания.

— Похоже, к нам летит, — проронил Андрейка.

— Те самолеты тоже сначала прямо на нас летели, — заметил Степка.

Вертолет уже совсем близко. Теперь не было никакого сомнения в том, что он прилетел именно на эту льдину. Он кружился над айсбергом, выбирая площадку.

Вот он сел, и тут все четверо скатились с айсберга, побежали к вертолету.

Впереди всех мчался длинноногий Аймет, широко размахивая руками и перепрыгивая через торосы.

Федор Николаевич смотрел из открытой дверцы. За спиной встал летчик и сказал:

— Негр.

— Похоже, что так, — задумчиво произнес Федор Николаевич, мучительно вспоминая, кого же напоминает ему этот негр, который что-то кричал.

— Товарищи! Товарищи! — донеслось до слуха.

— Да это же Аймет! — закричал Федор Николаевич и прыгнул на лед.

— Аймет я! Я — Аймет! — кричал охотник. — Дай закурить!

А ребяташки, как маленькие медвежата, переваливали через торосы.

Федор Николаевич кинулся к ним навстречу. Первым ткнулся ему в грудь Андрейка, затем Степка и одновременно с ним Миша...

— Живы, дорогие мои, — срывающимся голосом говорил Федор Николаевич, — целенькие, здоровые... Ах вы, дорогие мои!..

Аймет уже стоял у вертолета и с довольной улыбкой раскуривал папиросу.

— Что же вы, черти такие, не тот флаг вывесили? — спросил Федор Николаевич.

— Это же Степкина камлейка, — объяснил Андрейка.

— А мы думали, американцы сидят на этой льдине, — засмеялся Федор Николаевич. — И письмо вам послали на английском языке.

— Ах вот почему! — произнес Андрейка. — Это я виноват. Не подумал...

— Ну, теперь — айда в вертолет! — весело сказал Федор Николаевич.

— А вещи? — спросил хозяйственный Степка.

— Вещи привезем следующим рейсом.

Берег приближался быстро. Под вертолетом проносилась открытая вода, отдельные льдины, а вот и кусок оставшегося припая, домики, школа, лагуна, покрытая льдом и испещренная следами самолетов.

К посадочной площадке уже мчалась санитарная машина, бежали люди, кто-то спешил на мотоцикле.

Вертолет мягко опустился на лед, остановились лопасти.

— Аникай! Миша! Степка! Аймет!

Были слышны только женские голоса. Кричали мать Андрейки, Галина Михайловна, воспитательница интерната и жена Аймета.

Минут десять ребяташки переходили из рук в руки. Их тискали, целовали, а врач о чем-то упрашивал... Ребята вдруг почувствовали, как им трудно стоять на твердой земле. Их поса-

дили в машину и повезли в поселковую больницу, где они должны пройти врачебное обследование.

Для них была приготовлена палата на четверых. Ребят раздели, вымыли и уложили в постели. Через час приволокли упиравшегося Аймета, от которого пахло табаком и вином.

Потом пришли летчики с вернувшихся поисковых самолетов, Виктор Павлович и Аникай-старший.

Только врач выпроводила их, как в палату пришла пионерская делегация.

Ребята принесли книги и свежие газеты.

— Газеты вам прямо с почты принесли! — бойко сказала пионервожатая. — Сами еще не читали.

Миша взял «Пионерскую правду». Сначала он подумал, что ему мерещится. Но буквы стояли на месте. «Операция «Чукотка» — было напечатано крупными буквами. Он медленно прочитал заметку. В ней говорилось о почине московских школьников, призвавших пионерию Советского Союза своим трудом собрать средства для строительства на Чукотке Дворца пионеров. Почин подхватили пионеры Ленинграда, Киева... В Анадырь летит делегация московских пионеров...

— Андрейка, Степка! — громко позвал Миша. — Смотрите, что тут напечатано!

Все трое сгрудились у кровати и вместе прочитали заметку.

— Вот это здорово! — проронил Степка. — Будто подслушали мою мечту.

— Значит, будет на Чукотке настоящий дворец! — сказал Миша.

— Операция «Чукотка» продолжается! — обрадованно воскликнул Андрейка, он же Аникай-младший.

К О Н Е Ц

Всесоюзная выставка „Творчество юных“

На обложке:

«Лермонтов» — статуя работы Жени Колинчикова, 15 лет, Москва.

«В лаборатории ученых» — рисунок Галима Оспалова, 11 лет, Кустанай.

«Портрет» — рисунок Иры Кауль, 9 лет, Ленинград.

«Буденовцы» — рисунок Миши Ерохина, 13 лет, Горький.

На четвертой странице обложки:

«Луноход-1» — работа кружковцев Дома юного техника Магнитогорского металлургического комбината.

«Электрон Транзисторович» — робот, выполненный кружком Курского Дворца пионеров (слева, внизу).

«Робот — РЭР» (радиоэлектронный робот — репортер) и «Юпитер» работы кружковцев станции юных техников Калининграда (справа вверху).

«Марсик» — робот, созданный на станции юных техников Орши (средний).

«Федя» — робот, созданный на станции юных техников Магнитогорска (средний).

«Кондуктор» и «Андрюша» — роботы кружковцев — кибернетиков областной станции юных техников Калининграда (нижние).

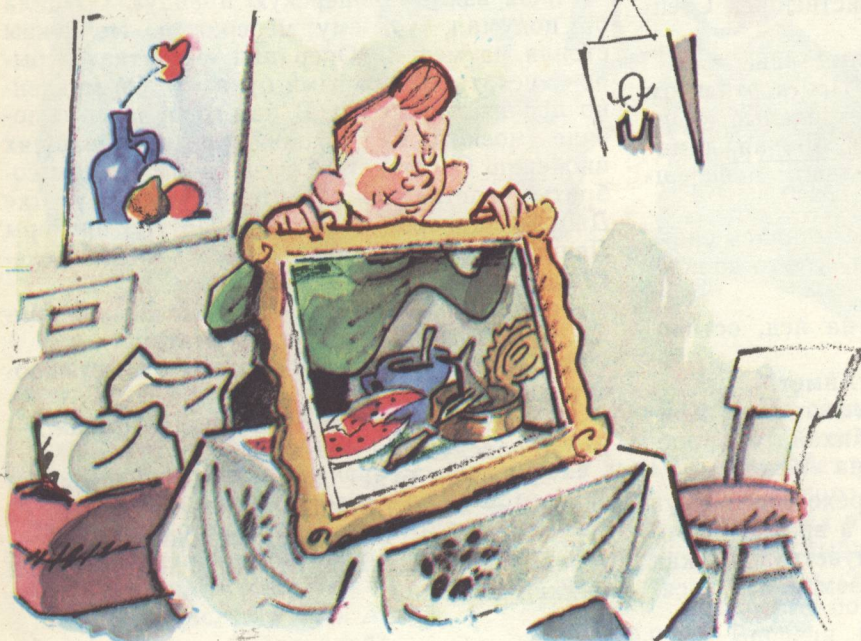

ЕГОРКИНЫ ЗАБОТЫ

Надо к пятнице Егорке
Приготовить поговорки...
Нет, зачем же поговорки:
Надо к пятнице Егорке
Приготовить отговорки:
Почему не смог Егорка
Приготовить поговорки.

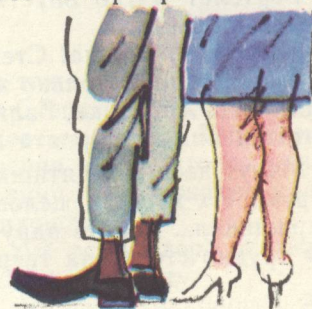

НЕМНОГО ОБ ИСКУССТВЕ

Пришла с работы мама,
Вдыхает мама тяжело, —
В глаза ей лезет прямо
Невымытая чашка,
Да хвостик шпроты в банке,
Да две арбузных корки —
Бренные останки
Завтрака Егорки.

— Что это за картина? —
Голос мамы тверд.
Сын сказал невинно:
— Это натюрморт!

КОММЕНТАТОРЫ

У Егора все отлично — о'кей!
С наслаждением он смотрит хоккей:
Напряженная игра у ворот,
Не наступит ли в игре поворот?

Нападающий мчит
Во всю прыть!
Комментатор кричит:
— Надо бить! —

Шайба мимо летит —
Догоняй!
Комментатор говорит:
— Ай-яй-яй! —

Папа с мамой как раз в этот миг
Заглянули в сыновний дневник,
Единицы им полезли в глаза,
И собралась над Егоркой гроза.

Мама папе говорит:
— Как же быть? —
Папа маме говорит:
— Надо бить!

Он получит нагоняй,
Негодяй! —
Тут и мама говорит:
— Ай-яй-яй!

ЕГОР ОСКОРБЛЕН

Обсуждали Егора на классном собрании,
Говорили, что нет у Егора старания:
За неделю — три двойки и три единицы, —
Ведь такое во сне никому не приснится!
— Что нам делать с Егором? — был яростный спор.
Наконец, кто-то крикнул: «Пусть скажет Егор!»

Оказалось, Егор оскорблен не на шутку:
— Педагоги ко мне придираются жутко!
Учишь, учишь уроки, — сидишь как дурак,
А они больше двойки не ставят никак.

Никакой справедливости в этих отметках!
Ботаничка спросила: «Что содержится в клетках?»
Я ответил, что тигры, и львы, и куницы,
А она мне вкатила в журнал единицу!

На истории я отвечал без запинки —
Я сказал, что оружие древних — тычинки.
Вот про пестик еще позабыл я добавить,
Но четверку-то можно мне было поставить!
А в журнале — опять единица!
Ну куда это, братцы, годится?

С математикой вышло неладно опять:
Свойства дроби просил математик сказать.
Я ответил, что дробью стреляют по птицам.
В результате опять у меня — единица.

В классе — шепот: «Егор — новичок,
Может, этот Егор — дурачок?»
А в глазах у Егора — два чертика:
«Что вам делать со мною — поспорьте-ка!».

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЬНОЕ

Какие новости! Впервые
Попал Егорка в звеньевые!

На сбор звена наш звеньевой
Всех загонял под визг и вой:
Кого толчком,
Кого тычком,
Кого пожаловал щелчком!
Девчонок за косы Егор
Тащил безжалостно на сбор.

Звено загнавши в уголок,
Егор орал, как только мог:

— Я всех главней! Я — звеньевой!
Имейте уважение!
Мы план составим мировой!
Давайте предложения!

— Эй, звеньевой, кончай орать, —
Сказал Куракин Вова, —
Есть предложение: избрать
Другого звеньевого!

ЕГОР И ПРЕДКИ

Три часа смотрел Егор
Телепередачи,
Не решил он до сих пор
Ни одной задачи.

Над задачкой притих
Наш Егор бедняжка.
Две задачи — но каких! —
И читать-то тяжко.

Едут, едут поезда —
Повстречаются когда?
Полилась в бассейн вода —
Что с ней делать? Вот беда!

Не решал дикарь примеры,
Не чертил он план пещеры.
У него в задачах скверных
Не встречались поезда,
Географию, наверно,
Не учил он никогда.

Ни ботаник, ни черчений,
Ни забот, ни огорчений.
Только мамонта убей —
И никаких тебе дробей!

И вот Егор в пещере
Сто тысяч лет назад.
Снаружи воют звери,
В пещере дым и чад.

Сиди, ломай тут ветки
Для этих простофиль...
А там, в двадцатом веке,
Многосерийный фильм!

А там в футбол гоняют,
Мальчишек полон двор.
В мечтах голы считает,
Задумался Егор.

Опомнился не скоро.
Беда! ОГОНЬ ПОТУХ!
От страха у Егора
Захватывает дух.

Свершил он преступленье,
Пощады тут не жди —
Убьют без сожаленья
Угрюмые вожди.

И мчится без оглядки
Егорка в дикий бор,
И дикие порядки
Ругает наш Егор.

— Работа да работа —
Ни отдыха, ни игр...
Тут из-за поворота
Навстречу вышел тигр.
Какой-то страшно грубый,
Какой-то саблезубый!

Егорке и простого
Хватило б за глаза!
Из леса из густого
Помчался он назад.

А тигр несется следом
За лакомым обедом.

Сейчас ударит лапой,
И — кончен разговор!...
Но тут, от страха слабый,
Проснулся наш Егор.

Ура! Он снова дома,
И тигр исчез как дым!
Лежит, такой знакомый,
Задачник перед ним.

Но все теперь иначе,
Егор уже не тот —
Готов решать задачи
Егорка круглый год.

Пускай водичка льется
В бассейны по трубе,
А поезд пусть несется
Из пункта А в пункт Б.

Пример решит без спора
Егорка — что за труд!...
А предки без Егора
Авось не пропадут!

Помутился ясный взор,
Тяжелеют веки...
— Скверно, — думает Егор, —
Жить в двадцатом веке.

Напридумали наук —
Их, наверно, двести штук!
Написали сотни книг —
Отдувайся, ученик!

Славно жил на свете грубый
Первобытный человек:
Никогда не чистил зубы
И не мылся целый век.

Тут задохнуться впору,
К тому ж еще и вонь!
Но велено Егору
Поддерживать огонь.

— Эх, лапти эти предки! —
Ворчит вовсю Егор,
Подбрасывая ветки
В прожорливый костер.

— Дурацкая привычка —
Коптиться целый день.
Изобрели бы спички,
Так нет — им думать лень!

Это было под Радомом

Лейтенант Василий Егоров. Весь его взвод стал истребительным. Награжден орденами Ленина и „Красное Знамя“.

Недавно меня навесит фронтной товарищ — старший лейтенант в отставке Василий Тимофеевич Егоров.

В годы Великой Отечественной войны на Северо-Западном фронте он был грозой для немецко-фашистских оккупантов. О его снайперском мастерстве многократно писала газета 11-й армии «Знамя Советов», которую я тогда редактировал.

Схлынула первая волна воспоминаний, утихли восклицания: «А помнишь?.. А знаешь?..», и я включил телевизор. Передача велась из

Польши. Кадры на голубом экране рассказывали о работе Радомского телефонного завода.

Василий Тимофеевич вздохнул:

— Многое у меня связано с этим городом!

— Ранение? — спросил я, зная, что в боях за Радом Егоров получил тяжелейшую рану и в бессознательном состоянии был вынесен с поля боя.

— Не только, — ответил мой собеседник. И рассказал:

Это было летом 1944 года. 370-я стрелковая дивизия, в которой служил Егоров, в составе 2-го Белорусского фронта освобождала от фашистских оккупантов города и села братской Польши. В августе продвижение наших войск приостановилось. Командование подтягивало резервы, боеприпасы, готовя новое наступление. В это время Егоров получил приказ — с двумя бойцами пробраться в стан противника и разведать его живую силу и технику.

Под покровом темноты разведчики проникли в тыл врага. На лесной дороге они встретили пожилого поляка. Он оказался участником движения Сопротивления. Польский патриот сообщил им о дислокации войск фашистов, указал, как лучше всего незаметно пробраться к местам, где расположились гитлеровцы.

Пока разведчики уточняли сообщенные польским другом сведения, занялась заря нового дня. Переходить сейчас линию фронта было опасно. Поэтому они решили укрыться и дожидаться ночи.

На обширной поляне в стороне от дороги стоял сарай, ветхое дощатое строение с покосившимися стенами и полусгнившей соломенной крышей. Сарай был пуст, и разведчики, войдя в него, улеглись на земляной пол, густо покрытый сеном трухой.

СНАЙПЕР БЕРЕТ „ЯЗЫКА“

Вызвали добровольцев достать языка. Первым, конечно, откликнулся Егоров.

Вместе с группой бойцов он разведкал вражеский дзот. Приказал одному солдату бросить гранату прямо в амбразуру, а сам сел в засаду.

После взрыва выскочил из дверей дзота офицер, но дорогу ему перекрыл наш снайпер. Началась смертельная схватка: ведь врага приказано было взять живым. А у того в руках нож! Несколько раз он пырнул Егорова этим ножом, и все-таки старший лейтенант связал его и доставил в штаб. И какой это оказался разговорчивый «язык»! Сколько пользы он принес нашему командованию!

КАК ФАШИСТЫ ЕГОРОВА В ПЛЕН БРАЛИ

Раз вышло так, что Егоров попал в плен. Немцы в то время осторожничали, из окопов не высывались. Наш снайпер пробрался к вражеским окопам и стрелял в гитлеровцев из их собственной пулеметной ячейки. Увлечшись, он не заметил, как с тыла наскочило на него трое здоровенных верзил. Обезоружили, избили и стали советоваться, как быть дальше — убить Егорова на месте или вести в штаб.

Но фашисты забыли обыскать его. И Егоров успел сунуть руку в карман, где под платком была спрятана граната, выхватил ее и швырнул под ноги врагам. Да еще успел прикрыться от взрыва за спиной толстого ефрейтора... К своим Егоров принес документы трех убитых фашистов!

Уставшие за ночь, они отдыхали по очереди. И близ полудня слышали людские голоса, стук топора и звон пилы.

Разведчики прикинули к щелям сарая. На поляне, метрах в ста, группа крестьян под наблюдением двух вооруженных гитлеровцев что-то сооружала. Фашисты торопили строителей, подгоняли их пинками и ударами прикладов. Но те не спешили. Только под вечер работа была закончена. На поляне выросла виселица.

Затем послышался топот ног, польская и немецкая речь. Гитлеровцы гнали толпу женщин, стариков и детей. Они поставили их с одной стороны виселицы, а сами — с автоматами — стали с другой. По этому живому коридору провели двух избитых женщин. Молодая поддерживала под руку старшую, еле передвигавшую ноги. На их груди висели дощечки: «Я прятала партизан».

— Картина, — сказал Василий Тимофеевич, вспоминая через много лет тот августовский вечер, — была жуткой. Я посмотрел на своих товарищей: «Что делать, хлопцы?»

Легко сказать — выручить, а как?

Выскочить из сарая и вступить в бой с охраной? Но врагов в несколько раз больше, и, оправившись от неожиданности, они быстро покончат с нападшими. Кроме того, перестрелка опасна и для согнанных сюда мирных жителей. Да и не имеет права он, Егоров, командир группы, рисковать собою и своими людьми, не сообщив командованию важные сведения о противнике!..

ОРДЕНОНОСНЫЙ ВЗВОД ЕГОРОВА

А за этот бой Егоров получил высший орден СССР — орден Ленина.

Было так: прорвали фашисты наш фронт, и батальон гитлеровцев атаковал деревню, где отдыхал в перерыве между боями взвод снайперов старшего лейтенанта Егорова. Враги артогнем подавили нашу батарею, и когда уже казалось, что на их пути просто никого не осталось, — вдруг зацелкали винтовки с оптическими прицелами и повалились наземь офицеры со свастиками на кокардах... Восемь атак отразили в тот день снайперы Егорова. И за этот подвиг вместе со своим командиром получили ордена и медали все бойцы его взвода — все до единого!

Между тем трагедия близилась к концу. Женщин подвели к виселице, поставили на ящики и на шеи накинули петли.

И вдруг главный фашист, не пикнув, повалился на землю. Стоявший сзади в нескольких шагах его помощник, подумав, что шеф за что-то зацепился и упал случайно, кинулся его подымать. Но, едва сделав шаг, он тоже упал.

Охрана была ошеломлена. Ни звука выстрела, ни пламени они не слышали и не видели, и падали, падали...

Это работала винтовка Егорова.

Егоров вовремя вспомнил, что у него есть съемный глушитель — приспособление, которое, если его надеть на ствол, делает выстрел почти бесшумным.

— Я, конечно, все равно очень рисковал, — вспоминал Егоров. — Хорошо, что началась артиллерийская дуэль между нашими и фашистскими батареями, — в гуле разрывов мои слабенькие щелчки совсем не были слышны. А если бы затвор заело? Или — промах, хотя бы один? Тут ведь все решала неожиданность.

Слушая это, я подумал: «И смелость! И решительность! И, конечно, снайперское мастерство тоже!»

Едва успев разглядеть, как крестьяне кинулись к женщинам и снимают с них петли, Егоров с бойцами выбежали из сарая.

Рядом был густой кустарник, а за ним лес. Он скрыл разведчиков. Ночью они перешли линию фронта и благополучно вернулись в свою часть.

В. Фарберов

МАКЕТ ПРОТИВ МАКЕТА

Как уничтожить неуловимого фашистского снайпера?

Егоров смастерил искусственный «валун» и, подменив ночью настоящий камень этим макетом, укрылся в нем. Сколько, однако, ни смотрел он вперед, укрытия хитрого гитлеровца так и не мог обнаружить. Егоров даже пополз ночью к труп лошади, валявшемуся возле немецких окопов, — но укрытия фашиста и там не нашел.

И все-таки именно возле этой лошади Егоров заметил вспышку от выстрела, когда подсунили гитлеровцу приманку — чучело, одетое в красноармейскую шинель. И две пули Егорова отправились в цель...

Уже позже выяснилось, что фашист прятался в картонном макете лошади, который на ночь подменяли настоящим трупом (чтобы наши разведчики не разгадали этот секрет). Но враги не учли хитрости и сноровки нашего Егорова!

ПЕРВОЙ ПУЛЕЙ

И еще одного снайпера уничтожил Егоров — такого хитреца, что до Егорова его никто не мог даже обнаружить, не то что подстрелить! Но наш боец заметил в кустах вспышку от выстрела вражеской винтовки, и хотя никаких следов возле этих кустов не было — Егоров не был бы Егоровым, если б не решил задачи: он подсчитал, что каска снайпера должна находиться примерно в 95 сантиметрах от вспышки, и первой же пулей попал в цель.

А потом оказалось, что к позиции врага вел подземный лаз. Но и он не спас фашиста от выстрела Егорова!

ПЕРЫШКО

РАССКАЗ

А. Крестинский

Рисунки Р. Фридмана

И снова, в который раз, над нашим домом — воздушная тревога.

Воет сирена. Хлопают двери. Женщины с детьми на руках спускаются во двор. Мы — кто постарше — сонно плетемся следом, тащим одеяла, подушки, валенки. В убежище холод. И кто знает, сколько придется там сидеть. Может, всю ночь.

Двор встречает нас пронизывающим ветром, дождем пополам со снегом, последним воплем сирены. Оставленная в спешке на дворе, она ворчит и смолкает. Кто-то крутил ее рукоятку, пока не убедился: услышали, выхо-

дят... Бросил сирену и сам побежал в убежище.

Матери подгоняют нас:

— Скорей, скорей! Не оглядывайся!..

Вход в убежище — под аркой. Здесь мы когда-то играли в футбол. Спотыкаясь, спускаемся в подвал. Под сводами сколочены нары. У всех свои — насиженные, належанные. Здесь так и говорят: «Васильевы нары», «Орловы», «Семеновы»...

Бабка Борьки Орлова захватила самые лучшие нары, самые широкие. «Здесь, — говорит, — наши дрова были, значит, и нары наши здесь...» Захватила и молится: «Осподи, спаси!.. Осподи, помилуй!..»

Керосиновый фонарь едва освещает серые, поросшие бледной изморозью кирпичи.

Это убежище для нашего дома, но бывает, что во время тревоги отряды МПВО загоняют с улицы случайных прохожих.

...Началось наверху. Самолеты гудят непрерывно. Трещат зенитки. Когда нарастает и близится свист бомбы, мы вжимаемся в нары, в стены, прирастаем друг к другу.

Удар. — Рядом.

Удар. — Дальше.

Удар. — Ближе.

Удар...

Надька Зайцева заплакала. Теперь будет реветь. То громче, то тише, не переставая. «Наденька, родная, перестань!.. Кому говорят, не реви!..» Ничего на нее не действует.

Бывший бухгалтер Филиппов, усохший, как осенний лист, выкрикивает из своего угла:

— Что ты, что ты, тише!..

От Надькиного рева в горле сухо, дышать тяжело. Вот в одном углу всхлипнули, в другом... Сейчас начнется концерт. Дать бы ей, Надьке этой, чтоб заткнулась!..

В проходе между нарами, под тусклым фонарем появился человек. Дотронулся до Надькиного носа и сказал тонким голосом:

— Дзинь-ля-ля, три рубля, десять кружек киселя, сопли-мопли, клякса-вакса, кто у нас сегодня плакса, а?..

Надька притихла. Человек опустился рядом на корточки.

— Здравствуйте. Это я, Веткин. Веткин-Табуреткин. Профессор кислых щей, красных борщей, дырявых пирогов, соленых утюгов, говорящих кошек, кастрюль и поварешек...

Веткин терпеть не может, когда плачут. Он обожает, когда смеются. Ваше имя, девочка?

Надька засопела. Ее в жизни никто на «вы» не называл.

Мы заторопились: — Надька ее зовут! Зайцева!

А я воображал: Веткин, Веткин... Неужели это Веткин?..

— Тише, тише! — прошипел бухгалтер Филиппов.

— Наденька. Надюша... Очень приятно. У вас чудное убежище. Надя, угостите Веткина чайком. Стаканчик чаю, а? Вот спасибо...

И Веткин берет в руки стакан. Стакана, конечно, нет, он понарошку берет, но так берет, что я просто вижу этот стакан!

— Борька, гляди, стакан!

— Стакан... — жалобно отзывается Борька. Глаза у Борьки блестят, а сам он дрожит. Замерз. А может, температура.

Веткин дует на кипяток, на руки себе дует. Пьет, обжигаясь...

Неужели тот самый Веткин?!

— Хорошо бы с сахарком, — говорит он, — но, увы...

Веткин разводит руками.

Мы сбились в проходе. Борька, я, девчонки. Лицо у Веткина мягкое, опухшее. Кажется, помни его руками — и толстый нос вытянется, станет длинным и тонким, а голова сплющится, как дыня. Старенькое осеннее пальто. В кармане кепка. Веткин цокает языком, вздыхает.

— Э-хе-хе... Здоровье у Веткина расшата-

лось. На почве недоедания. А то бы Веткин вам сейчас показал... Он бы вам такое показал!...

Опять завывли самолеты. У-у, у-у, у-у...

— Покажите, — просит Надька.

— Показать? — он внимательно глядит на нее. — В самом деле?

Он выпрямляется в проходе.

— Дорогие уважаемые граждане! Перед вами уникам! Человек вакуум! Абсолютно пустая голова. Слушайте...

— Тише, тише! — кричит бухгалтер Филиппов. — Почему так громко?..

Веткин согнутым пальцем ударяет себя по лбу. Бамм! Бамм-бамм!.. Не голова, а пустая кастрюля!.. Бамм-бамм! Как по крыше палкой.

Дом качнулся!.. Не к нам... Рядом... Не к нам упала.

«Осподи, спаси!..» — метнулась Борькина бабка. Штукатурка зашелестела. Совсем близко упала бомба. Меня мать зовет: «Сейчас, сейчас...» Всех зовут: «Борька!.. Нина!..»

Веткин дожидается, пока стихнет. Потом дергает себя за левое ухо, и я слышу неясный звон. Дергает за правое. Морщины разбегаются по обе стороны толстого носа. Он подергивает себя за уши, и под сводами подвала звенят колокольчики. Легкий такой звон, будто вдалеке бегут пони, и вот сейчас прошлестит тяжелый занавес и пони, склонив аккуратные головы и встряхивая белыми султанчиками, побегут по манежу. И развернется пестрый ковер на песке, и крепкий звериный дух ударит в первые ряды и подымется вверх...

Бывший бухгалтер Филиппов отклеился от своего угла. Торопливым свистящим шепотом:

— Вы, гражданин, не из нашего дома, можно сказать, совершенно чужой, так уж извольте... Вас добрые люди пустили, а вы, наверно, без документов, так уж извольте, ведите себя прилично, это вам не цирк...

— Д-да, — говорит Веткин, — какой уж тут цирк.

Моя мать — нервно:

— Кругом все рушится, а вы... Вот ударит сейчас, а вы с этой дурацкой клоунадой...

Надька всхлипнула. Веткин сказал:

— Вы предпочитаете плакать?.. А я предпочитаю смеяться. Ну, а вы как?..

Это он нас с Борькой спросил: «Ну, а вы как?» Я растерялся. Борька опустил глаза.

Да, это тот самый Веткин. Я узнал его. Не в лицо, конечно. В лицо я не мог его узнать. Я просто догадался, что это он.

...Я первый раз был тогда в цирке. И Ленка, мой двоюродный брат, тоже. Ленка орал и топал ногами, а я вцепился в барьер и молчал. Манеж то убегал от меня, то со страшной

скоростью накатывал... А потом из-за кулис выбежали сестры Валежниковы в серебристом трико и стали летать под куполом, и я заплакал. Я сам не заметил, как заплакал. Просто слезы закапали, закапали... В антракте дядя

Миша, Ленкин отец, открыл коробку с тортом. Это был большой фруктовый торт, украшенный сливами. Мы с Ленкой стали есть его наперегонки, а дядя Миша хохотал и кричал нам: «Злодеи, Веткину оставьте!..» Зрители кругом тоже кричали: «Эй, черненький (это мне), поднажми!.. Рыженький, ешь скорей, а то не останется!..» Перегонки плохо кончились. В начале второго отделения мы с Ленкой, шатаясь, стали пробираться к выходу, оттаптывая ноги соседям, а цирк в это время грохотал аплодисментами и кричал: «Веткин! Веткин!..» Я хотел хоть краем глаза взглянуть на него, но не мог остановиться... Как обидно! Из-за какого-то паршивого торта не увидеть знаменитого Веткина!.. Конечно, если бы сейчас мне предложили: торт или увидеть Веткина? — я бы не раздумывал: ясно, торт!

...Какой сейчас торт. Глупости. А Веткин стоит рядом.

— Хочу, чтоб тревога скорей кончилась и домой пойти, — хрипло сказала Надька и опять захныкала.

Лицо Веткина стало печальным. Мягкий нос совсем обвис. Морщины превратились в грустные складки.

— Ай-я-яй! Бедный Веткин! Не верят! Думают: обманщик, шарлатан! А он честный человек! Вот, смотрите...

И Веткин вытянул из левого уха целую связку бубенчиков — штук десять! И звякнул перед нашими глазами: дзын-нь!..

— Борька, гляди, это Веткин! Борька, понимаешь, Веткин!..

— Божественные звуки! Вы только послу-

шайте: динь-дон... динь-дон... Мечта! Домик с голубыми занавесками...

Что он говорит? Какой домик? Какие занавески?.. Надька криво улыбается. На щеках блестят две полоски. А стены вздрагивают, шуршат. По ним будто стекает шорох и шелест...

Мне вдруг так жалко стало этого Веткина! Может, он про свой дом? Может, его разбомбило?..

Наш дом покачивается, дрожит... А это что?! Курица?! Курица квохчет! Да-да, курица!

А Веткин говорит:

— Это моя курица. Я ее с собой принес. Фроська, Фроська! Куда она спряталась?.. Бомбежки боится... Цып-цып-цып... Вот она, вот!..

Веткин наклоняется, — хлопают крылья, тревожно кричит курица. «Тише, тише!» — шипит бухгалтер Филиппов. «Убежала, опять убежала...» — грустно говорит Веткин. И вдруг рядом, под нарами, тихо так: ко-ко-ко... Я не выдержал: «Держите ее, держите!» Веткин шарит под нарами, хлопают крылья, бьется в руках курица, и трещат зенитки.

— Ах, ты, Фроська, удрала... Разве тут найдешь, в темноте... Вырвалась. Только перышко оставила. Вот. Держите, Надя, перышко.

Он подает Надьке белое куриное перышко. Надька хватает его обеими руками. Мы склоняемся над перышком. Оно шевелится от нашего дыхания. «Надька, дай потрогать!.. Дай подержать! Не жмоться!..»

Нет, Надька не выпускает перышко, она его крепко держит, она смотрит на него не отрываясь. А бухгалтер Филиппов выкрикивает из темноты:

— Да перестаньте же! Неуместно все это!

— Да пушай, — неожиданно вступается Борькина бабка, — пушай с детьми-то забавляется...

— А что уместно? — Веткин резко поворачивается к бухгалтеру Филиппову. — Что уместно?..

Угол не отвечает. Тогда Веткин подымает палец и прислушивается. И мы прислушиваемся, глядя на его палец. Долго прислушиваемся. Наконец, Веткин смотрит на часы и говорит:

— Ну, пора домой.

И наступает тишина. А может, она давно наступила, только мы не заметили... Ждем и не верим: неужели все?

— Все, все, — говорит Веткин.

И сразу задвигались, потянулись к двери. Голоса окрепли, становились все громче по пути. «Кажется, кончилось... Ну и жажнул!.. Уверяю вас, в соседний... Одеяло не забудь!..»

Толпились в проходе, тянулись к двери, потому что сейчас, когда опасность вроде миновала, всем хотелось поскорей вырваться из этого душного, сырого подвала, вздохнуть поглубже... Что же не открывают?

Луч влажного воздуха пробежал по лицу.

А на дворе — все тот же дождь пополам со снегом. Матери окружают девушек из МПВО: «Куда?.. На площадь?.. Дом сорок?.. Много жертв? Нет?.. Слава богу! Вы слышали, разбило ларек!.. А этот где?.. Кто?.. Да старикан. Странный какой-то, просто ненормальный... Курица! В такое-то время! Где сейчас курица?..»

Мы с Борькой стоим посреди двора с охапками одеял и подушек, мокрый снег залепляет глаза, и все эти разговоры пролетают мимо нас, едва задевая. Разве можно слушать их всерьез, эти глупости!

Мы ищем глазами Веткина. А он исчез. Вот только что был среди нас и вдруг исчез в снежной крутне.

— Борька, как же он так быстро ушел, а?..

.....

Ночью мне снились куры. Куры, куры, куры... Они кудахтали и хлопали крыльями, а я продирался среди них, и задышался, не в силах выбраться, и кричал, но крик мой оставался беззвучным, и я это понимал, и в отчаянии, медленно, вяло разгребал руками живую массу вхохочущих птиц...

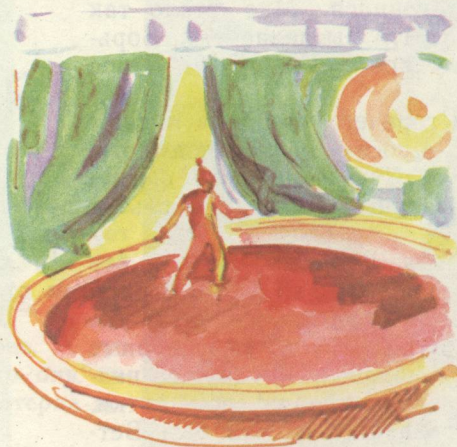
Утром я взял спички, свечной огарок и пошел в убежище.

Я спустился в подвал. Железную дверь оставил открытой. И, прикрывая огонек рукой, ступил в проход.

Сырой теплый воздух охватил меня. Только бы никто не узнал, что я был здесь. Я сам себе не мог объяснить, почему я пришел сюда. Ведь понимал: ничего нет и быть не может. Понимал. И в то же время... Как

бы это объяснить... Я боялся — не только что вслух произнести — подумать даже боялся о том, что привело меня сюда, заставило ходить с огарком, светить, искать...

Я споткнулся о нары и больно ударился. И

вспомнил наш последний суп — мясной! — который я пролил, споткнувшись о порожек кухни. И снова, в одну жаркую секунду, пережил все: досаду, страх, отчаяние...

Бомбежка вчера была. И перышко было. Настоящее.

Я вспомнил куриный бульон, и голова у меня закружилась.

Я осветил огарком земляной пол. Потом поднял огарок над головой. В эту минуту из-за поворота тоже с огарком в руке вышел Борька. Он шел из глубины подвала. Он был очень бледный, верно, от свечи. Мы молча держали свои огарки и смотрели друг на друга.

Сколько можно так стоять? Я сказал:

— Ну, чего?

— Ничего, — сказал Борька, — а ты чего?

— Ничего...

— Я забыл вчера валенки, — угрюмо сказал Борька, не глядя на меня, — никак не найти...

— А шарфа не видал? — быстро спросил я. — Шарф вчера оставил...

— Нет, не видал, — Борька покосился на мой огарок.

— Пойду поищу, — сказал я.

— Найдешь, пожалуй, — усмехнулся Борька и нехотя посторонился. Какой он худой. Худей меня. Синий весь. Мы теперь не видимся. Только в убежище. Да еще в очереди, за хлебом. И разговаривать не тянет.

Ясно, Борька злится, что я иду в подвал, а он уже был там и неудачно. Боится, вдруг мне повезет. Топчется, не хочет уходить...

Я ступаю несколько шагов в глубь подвала. А если позвать Борьку? Давай, мол, вместе искать...

— Постой! — говорит мне вслед Борька. — Твой шарф я знаю где. Вспомни! Его тетя Маша, дворничиха, нашла и твоей матери хотела отдать... Слышишь, не ходи, нет его там!...

Я остановился. Мне стало так противно! Что мы делаем—я, Борька! Зачем врем друг другу? Что с нами?

Капли горячего стеарина падают на руку. Бросаю огарок под ноги. Топчу его. Сую в варежки негнущиеся пальцы. Оборачиваюсь к Борьке.

...Борька, Борька. Неужели это он стоял в воротах, когда мы играли в футбол с двадцать седьмым домом! У него были тогда фанерные щитки на коленях. Когда шел низкий мяч, он подставлял свои щитки.

— Борька, слушай, это был Веткин! Тот самый! Понимаешь, Веткин! Из цирка!...

— Из цирка... — произносит Борька одними губами, и лицо у него такое — не поймешь: то ли улыбнется сейчас, то ли заплачет...

— Да-да, из цирка! Веткин! Разве ты не помнишь? До войны! Ну? Веткин!...

Я произношу это слово и вглядываюсь в Борькино лицо. Я так хочу, чтобы оно стало прежним. Как раньше.

— Веткин? — спрашивает Борька.

— Да-да, Веткин! Я его знаю! Я его видел, не тогда, а теперь! Он, знаешь, какой!...

Я дышу Борьке в лицо, а он дышит мне, и я говорю ему — про все, про все — про цирк, про сестер Валежниковых, про Веткина, которого я тогда не видел, и, конечно, про фруктовый торт...

ЧТО ВАЖНО?

Павел Карцев

Шумит, не смолкает базарная площадь:
— Смотрите, Алешка уселся на лошады!..
Верхом? Ну и ну!..
И мальчишке не страшно?
Сознайся, наездник!
— А это неважно!

Неважно?! Гривастая лошадь сердито
Ударил так по брусчатке копытом,
Что трижды откликнулись эхом на башне.
Часы городские...
— И это неважно!

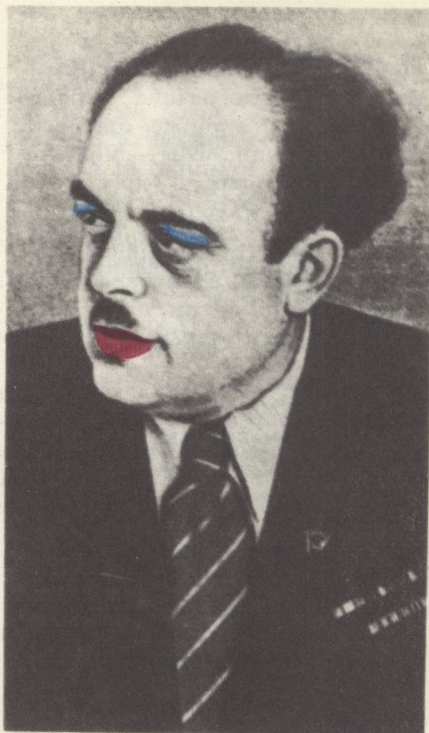
Взметнулся скакун и помчался, как птица,
Тяжелая пыль над дорогой клубится.
Он мчится в дали неразборчивой где-то.
Но, честное слово, неважно и это!

Лишь вечером поздно на гулкую площадь
Вернулась вся в мыле горячая лошадь.
А где же Алешка? По ниве, по пашне
Шагает, хромает. Что с парнем? Неважно!

Алешка свалился, и это неважно?!
Что ж важно?
А то, что мальчишка отважный.
Упал? Ну, упал. Так, по правде сказать,
С коня все равно ведь пришлось бы слезать.

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

Комсомольское собрание завода «АМО» долго не открывалось.

В зале затянули «Вдоль да по речке...» После обычной строфы народной стародавней песни шла неизвестно откуда взявшаяся припевка:

Сергий-поп,
Сергий-поп,
Сергий — дьякон и дьячок...
Пономарь Сергиевич,
И звонарь Сергиевич.

И сразу за этим следовало:

Ай, да ребята,
Ай, да комсомольцы!
Браво, браво,
Браво, молодцы!

Сидевший рядом со мной восемнадцатилетний слесарь Костя Михеев схватил своими железными пальцами мою руку повыше локтя и, немилосердно сжав ее, заговорил:

— Ну, пойми! Если вся деревня Сергиевна, то при чем здесь комсомольцы Коминтерна? Слово «комсомольцы» есть, а песня не комсомольская. Так ведь? Веселая песня, а не наша. Лучше уж «Варшавянку» петь, но ведь сложили-то ее в какие годы? Она и сегодня годится, но своей, комсомольской песни мы пока что не дождались. Кому же сложить ее, как не тебе?

Окружавшие нас товарищи одобрительно закивали головами.

— Напиши, — строго промолвил Костя, — обязательно напиши, чтобы заря утренняя была, и мы все, и фронты, и фабрики. Да чтобы призывная, сильная... до точки своя!

Этот разговор происходил в начале апреля тысяча девятьсот двадцать второго года. До той поры мне казалось, что мысли, высказанные Костей, бродят только у меня в голове. А тут я убедился в том, что они завладели всеми. И я потерял покой.

Меня не пугала трудность написания текста песни. Текст я напишу! Но ведь его петь надо? А где музыка? Композиторов у нас в те времена не было, сам я музыки не создам, хотя играю на многих инструментах. Что же делать? Может быть, взять мотив тирольской песни, на который иностранные товарищи поют песню «Юнге гардэ»? Может быть, просто перевести эту песню на русский язык?

Я раздобыл ее текст и сразу убедился в том, что переводить не стоит. Надо написать не так...

Ни о чем, кроме песни, я уже думать не мог.

Через две недели, 20 апреля, песня была написана — и вот при каких обстоятельствах.

Получив приглашение немедленно явиться на заседание бюро Центрального Комитета комсомола, я через две минуты уже входил в кабинет секретаря ЦК РКСМ, ибо жил в том же доме, на два этажа выше.

Меня сильно удивила расстановка мебели. Письменный стол был отодвинут к стене, посреди комнаты стоял один-единственный стул. Все члены бюро в каких-то странных позах расположились, стоя вокруг этого стула. В чем дело?

Меня жестом пригласили сесть. Я довольно робко приземлился, не кладя руки на колени, ибо поджидал какого-то розыгрыша. Члены бюро приблизились ко мне и, как по команде, занесли надо мной руки со сжатыми кулаками. Так и ест! Розыгрыш! Нельзя подавать виду, что ты поверил в это. Будь что будет!..

Голос «докладчика», секретаря ЦК РКСМ Петра Смородина, прозвучал сухо:

— На повестке дня бюро Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи один вопрос: о написании комсомольской песни, комсомольского гимна. Член РКСМ Саша Безыменский! Тебе поручается в течение трех недель такую песню создать. В случае малейших колебаний с твоей стороны все карающие десницы, поднятые сейчас над тобой, опустятся по назначению и раздробят твою голову вместе с вышеозначенными колебаниями. Всё!

— Хорошо, — ответил я, — согласен. Но поскольку я уже

работаю над песней, один вопрос требует решения бюро ЦК. Прошу официально санкционировать использование тирольской песни, а также одобрить припев песни: «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян». Понимаете? Рабочих и крестьян! По-моему, это правильно, однако выношу припев на ваше утверждение.

Припев был утвержден единогласно. Мало того, вызвали стенографистку и продиктовали решение бюро Цкамола об утверждении припева.

— Помни! — сказал мне на прощание Смородин. — Сейчас три часа дня. Через три недели, ровно в три часа дня, ты нам читаешь текст комсомольского гимна. Если же ты напишешь его раньше, вызывай нас в любое время дня и ночи. Понял? Все!

...Я долго стоял на площадке третьего этажа, переживая все, что охватило меня на только что закончившемся заседании. Песня комсомольская! Гимн комсомольский! Его создания требует Цкамол, ждут дорогие моему сердцу товарищи с завода «АМО», комсомольцы деревни, фронтовые друзья.

Передо мной встало строгое лицо слесаря Кости Михеева. Мне показалось, что я вновь слышу его голос:

— Чтобы заря утренняя была...

Я шагнул на первую ступеньку, ведущую вверх на пятый этаж. Да! Заря утренняя. Вот она перед нами, за нею солнце коммунизма, и мы движемся ему навстречу. Навстречу! Вот оно — то самое слово, которого жаждала моя душа.

И губы мои выговорили:

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!

Я ухватился за перила; налетевшая на меня буря чувств могла свалить меня с ног. Сердце бешено билось, но мысль была ясна. Не пройдешь вперед

без яростной борьбы за наше счастье. И легко-легко сложились недостающие строчки:

Штыками и картечью
Положим путь себе!

Я мысленно прочел свою строфу Косте Михееву и окружавшим его рабочим-подросткам. Мне почудилось, что они одобрительно кивнули головами.

Что еще сказал Костя? Да! Чтобы мы все, комсомольцы, включены были в песню. Мы — отряд армии коммунизма. Мы — несгибаемые. Мы — молодые.

Двигаясь со ступеньки на ступеньку, я пропел:

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!

жешь! Надо брать самое главное, самое дорогое!

Ну, конечно, песня должна быть призывной. Знамя большевиков объединяет нас. Вокруг него надо нам сплотиться и идти вперед.

И, шагая по коридору, сложил я четвертый куплет гимна:

Мы поднимаем знамя, —
Товарищи, сюда!

Идите строить с нами
Республику труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял, —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Песня была готова. Сколько я ни раздумывал, прибавить было нечего. Можно написать де-

А строки припева чудесно подытожили все:

Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

На площадке пятого этажа я с трудом отдышался, хотя шел очень медленно. Куплет готов! Невероятно, а факт! Я вошел в свою комнату.

Творческий порыв бушевал во мне. Что еще сказал Костя? Чтобы фронты и фабрики? А наше прошлое? А что хотели бы слышать и петь еще тысячи комсомольцев? Через несколько часов почти все, что я хотел, уже вошло в песню.

Я видел перед собой юношей и девушек, рядом с которыми жил и боролся, я советовался с ними, расспрашивал их, спорил с ними. Нет, нет! Всего не ска-

зетки других песен, но в этой — все на месте.

Я взглянул на ручные часы. Было ровно три часа ночи.

Задыхаясь от волнения, вызвал я по телефону гостиницу «Люкс».

Через полчаса бюро Цкамола совместно со всеми заведующими отделами, жившими в той же гостинице «Люкс», явилось на Воздвиженку, десять, на третий этаж.

Это ночное заседание было удивительным. Все расселись на столах и на подоконниках, хотя в комнате были и стулья. Может быть, это объяснялось тем, что докладчик должен был не говорить, а петь.

И я запел. Я старался петь медленно и не слишком громко.

После первой строфы голос мой чуть осекся от волнения, но я быстро выправился. Я ведь пел не только перед теми, кто был в этой комнате, но и перед всем комсомолом. Ему посвящено каждое слово песни.

Когда я кончил петь, аплодисментов не последовало, но со всех сторон ко мне протянулись дружеские руки товарищей.

— Вот что, — произнес один из членов ЦК, — спой еще раз. Я спел.

— Теперь прочитай.

Я прочитал.

— Теперь снова спой.

Я опять спел.

— У тебя один экземпляр текста?

— Один.

— Ну, что же... Сейчас вызовем машинистку.

— Не надо. Я сам отпечатаю.

Через некоторое время все снова расселись по своим местам, держа текст песни. Я дирижировал.

После двух раз товарищи уже почти обходились без напечатанного текста. Пение шло все слаженней, все вдохновенней. Не мудрено, что мы забыли, где

мы находимся, забыли, что уже половина пятого утра. Пели мы в полный голос.

Я с удивлением заметил, что людей в комнате стало много больше. Это жильцы верхних квартир проснулись, услышали наш мощный хор, оделись, пришли разузнать в чем дело, и, разобравшись в происходящем, присоединились к хору.

Даже старики пели:

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы без конца повторяли песню. На улице давно рассвело, а из помещения Цкамола все еще несло:

В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Не прошло и месяца, как «Молодую гвардию» начали петь на всех комсомольских собраниях, на улицах, в общежитиях, на массовках, на демонстрациях.

Песня пошла в жизнь.

Безыменский

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе!

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы,
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Апрель, 1922

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя, —
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял, —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Рисунки Е. Филатова

ДОРОГА

Наш корреспондент пришел в Управление по строительству и ремонту дорог, чтобы взять интервью у Вениамина Дмитриевича Шаповалова — главного инженера.

Главный инженер сидел над картой вместе со своими товарищами. На минуту он оторвался от дел, чтобы сказать «Костру» несколько слов:

— Дороги иногда называют артериями страны. Что значит — хорошие дороги? Это миллионы пудов зерна, сбереженного в осеннюю распутицу. Это сотни тысяч автомобилей — они прослужат в два-три раза дольше положенного срока. И быстро доставленные строительные материалы, из которых соберут новые дома. А главное — это сэкономленные в пути часы и сутки, в течение которых сотни миллионов людей сделают много полезного для себя, для других и для общества.

Построить дорогу — этого мало. Ее надо еще сберечь, сохранить. Строят дорогу строители, берегут и хранят эксплуатационники. Все они делают большое дело, важное для всего народа, и вы, ребята, можете им в этом деле хорошо помочь.

Итак,

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ДОРОГА? ГДЕ ЕЕ СТРОИТЬ? ДЛЯ КОГО?

Жители поселка Ямки пишут:

«У нас большой совхоз. Почти круглый год мы выращиваем в парниках зеленый лук, редиску, ранние огурцы; наши помидоры не хуже кубанских; крупнее и слаще нашей клубники нет во всем районе. Городу очень нужны свежие овощи, молоко, ягоды. От совхоза до Первомайска каких-то тридцать километров, а ездим мы в город вкруговую: сначала по старой, разбитой грунтовой дороге километров пятнадцать до станции Березай, а потом чуть не сто — по железной дороге.

Нам нужна прямая автомобильная дорога Ямки — Первомайск».

Экономисты подтверждают:

«В ближайшие годы поток грузов из совхоза в город и в обратном направлении увеличится вчетверо. А людей будет ездить раз в пять или шесть больше, чем теперь. Население поселка Ямки увеличивается. По предварительным подсчетам потребности грузовых перевозок пассажирского сообщения между Ямками и Первомайском можно обеспечить автомобильной дорогой с шириной асфальтового покрытия 7 м, то есть дорогой III класса».

Директор областного проектно-дорожного института говорит:

«Заказ совхоза «Луч» на проектирование дороги III класса между городом Первомайском и поселком Ямки мы считаем первоочередным. Вероятно, дорога пройдет по кратчайшему расстоянию, между озером Рыбным и грядой холмов (см. схему, вариант I)».

А теперь говорят изыскатели:

— Я, инженер-дорожник, — начальник партии.

— Я, инженер-гидролог, буду изучать все, что относится к характеристике водостоков в районе трассы.

— Я, геолог, исследую грунты, по которым пойдет будущая дорога.

— Я, метеоролог, представлю данные о погодных и климатических условиях местности, где будет строиться дорога.

— Я, техник-нивелировщик, промерю все высоты и впадины на протяжении трассы

— Я, техник-угломерщик, буду замерять величину углов там, где трасса меняет направление.

— Я — пикетажист. Моя задача — промерить длину трассы и записать все предметы, встретившиеся по пути.

— Мы — рабочие. Носим рейки, копаем ямы и устанавливаем репера.

Чуть не забыли: водитель нашего автофургона — самый необходимый человек.

Все мы в целом — проектно-изыскательская партия.

Нас командируют в район будущего строительства дороги для проведения подробных технических изысканий.

Четыре месяца нам предстоит жить под одной крышей, есть из одного котла. Четыре месяца мы будем вышагивать нашу трассу, мокнуть под дождем, жариться на солнце. Мы будем, как говорят проектировщики, работать в поле.

Всякое дело начинается с разведки. На карте предложенная нам трасса выглядит очень хорошо: ровное место, почти никаких поворотов, на запад — озеро, на восток — гряда пологих холмов. Однако нам следует тщательно проверить на самой местности: нет ли каких неожиданностей, с которыми могут впоследствии встретиться строители?

И вот — неожиданность первая: ручей. На карте он — чуть заметная голубая ниточка. В жаркое сухое лето через него можно просто перешагнуть. А всегда ли он такой?

Гидролог отвечает:

— Весной и во время затяжных дождей этот ручеек превращается в речку. А раз это

речка, да еще в широкой низине, то, естественно, здесь образуются тальвеги — обширные затопляемые пространства. По тальвегу дорогу не поведешь — придется строить высокую насыпь. А для насыпи, конечно, нужен песок, а песок добывается в песчаных карьерах, которые надо найти и построить от них временную дорогу. И, само собой разумеется, через ручеек придется строить высокий, прочный мост.

Идем дальше. Внимательно смотрим вокруг, и особенно внимательно — под ноги: не встретится ли еще какая неприятность. Нет, вроде бы и грунт довольно прочный. Только кое-где подсыпать песочку с гравием — и земляное полотно готово. И местность ровная. Можно трассу тянуть по прямой. Но вдруг...

Нет, земля не провалилась, горная лавина тоже не обрушилась. Просто геолог обнаружил залегание торфа. Торф, конечно, дело хорошее и ископаемое полезное, но для дороги...

Геолог говорит:

— Чтобы дорожное полотно было прочным, весь торф не-

обходимо отсыпать, а выемку заполнить песком. Глубина выемки будет примерно три-четыре метра, а протяженность ее составит около шести километров. Вот и прикиньте объем земляных работ!

Начальник партии задумывается:

— Да, серьезное осложнение. А почему бы не проложить дорогу по западному берегу озера? Правда, дорога получится длиннее, но зато строить ее легче и дешевле.

Дешевле ли?

Проверяем второй вариант трассы (см. схему, вариант II). И обнаруживаем:

Во-первых, дорога пойдет через пашню. А это значит, что какую-то, и довольно большую, ее часть надо отобрать от владельца пашни — совхоза — и передать дорожникам. Совхоз, конечно, возражать не будет, так как ему очень нужна дорога, но расчищенные от леса и валунов, удобренные поля стоят очень и очень дорого.

Во-вторых, дорога пойдет через лес. А лес рубить нельзя без согласования с Министерством лесного хозяйства. И очень может быть, что

...ДЛИННОЮ В 1000 ЛЕТ

II. 6576 годом «от сотворения мира» (1068 год) датирован первый русский дорожный знак, «тмутараканский камень»: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутаракани до Крчева». 14 000 сажень — так определил князь Глеб расстояние от древнего города Тмутаракани (нынешняя Тамань) до Керчи.

I. Первыми русскими сухопутными дорогами были караванные «волоки», соединявшие друг с другом водные магистрали. Бывало, чтобы не затруднять себя перегрузкой товаров с лодок на повозки, купцы придорожных поселков «волоочники» просто ставили лодки на колеса и перевозили их по волоку, как простые телеги.

III. С развитием древнеславянского государства все большее значение стали приобретать колесные, а не водные дороги. В «Русской правде» (древнейшем кодексе законов) разделяются «великие гостиницы», то есть большие общегосударственные дороги и «проселки», дороги местные. На «великих гостиницах» преступники могли быть казнены, а на «проселках» — только лишены права владения близлежащим селом. Но и «великие гостиницы», и «проселки» были дорогами грунтовыми.

V. Знаете, что такое засека? Это крепостное сооружение, осадившее дорогу. Вокруг засеки срублен и поставлен лес, врагу не пройти сторо-

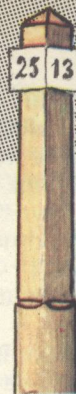

IV. В XVI веке Иван Грозный повел на Казань 150-тысячное войско. В авангарде двигалась «яртоульная дружина» — говоря современным языком, дорожно-мостовой батальон. Иван Грозный повелел поставить во главе «яртоульщиков» «резвого прапора», то есть решительного командира.

ной и не прорваться через стены засечных укреплений. Засеки охраняли русские границы на юге и юго-западе.

VI. С царствования Петра I началась новая эпоха в истории русских дорог. Они стали фашиновыми. Связки тонких жердей и прутьев (полатыни — фашины) накладывали поперек и наискось — в несколько рядов, сверху пересыпали щебенкой (хрящом) или песком. Песок и хрящ вбивали ручными бабами плотнее («дабы не было грязи», — повелел император). Боковые части дороги отделяли бордюром из пятивершковых бревен.

VII. Появились «специализированные» дороги. Знаменитый Ордо-Базарный, он же Нагайский шлях (Астрахань — Москва), превратился при Елисейе Петровиче в «дорогу фруктовой почты». По этой сорокасаженной (80 метров ширины) дороге с травяным покрытием, которое постоянно подкашивалось, являлись особо оборудованные фальшивогарки повозки — возили колесные фрукты к столу государыни!

VIII. С 1805 года были введены обязательные для всех имперских дорог знаки на дорожных столбах. Тогда дорожных знаков было всего четыре.

XII. В 1938 году был учрежден первый дорожный народный знак — «Почетный дорожник».

IX. В XIX веке появились первые в России машины по уходу за дорогами: железные трапециевидники, которыми соскребали снег с шоссе. Впрочем, даже к концу столетия дороги с каменным покрытием составляли 1% всех дорог России.

X. Тридцать лет инженеры не могли найти технологию для покрытия дорог асфальтом! Только осенью 1927 года на Волоколамском шоссе возле села Серебряный Бор были уложены первые 80 метров русского (уже советского!) асфальта.

XI. Народная стройка — это означало, что население городов и сел, все — от мала до велика, выходило работать бесплатно, чтобы помочь Родине. С помощью народной стройки прокладывали и дороги. Лучшей из дорог, созданных методом народной стройки, было булыжное шоссе Ярославль — Рыбинск (80 километров): его сдали незадолго до войны — 7 ноября 1940 г.

XIII. Немного дорог построили во время войны. Но одна из них навсегда вписана в историю. Ей обязаны спасением своих жизней два миллиона жителей Ленинграда, вот почему ее и назвали «Дорогой жизни». Самый сложный участок трассы (тридцать три километра) шел по льду. Дорожники наводили мосты через трещины по пояс в воде, расчищали снежные завалы, вытаскивали из воды утопавших. И еще они содержали пункты обогрева и снежные домики для шоферов и пассажиров...

министерство не разрешит дорожникам вырубать высокие стройные сосны. А кроме того, надо подумать о жителях леса — зверях и птицах. Куда им деваться? Нет, лес портить жалко!

Начальник партии проводит совещание:

— Оба намеченных варианта трассы имеют серьезные недостатки. Будем ли искать третий вариант? Да.

Если дорогу проложить по вершине холма (см. схему, вариант III), то:

не надо строить мост — ручей пропустим через трубу под дорожным полотном. («Это возможно, — подтверждает гидролог, — потому что трас-

— Без теодолита тут не обойтись. А теодолит — это, в общем-то, подозрная труба на треноге. Куда мне надо, туда я трубу поворачиваю: вверх, вниз, вправо, влево — пожалуйста. А на горизонтальной и вертикальной шкалах замечаю, на сколько градусов и минут повернулась труба.

Начальник партии — он прокладывает трассу — уйдет вперед, может, на полкилометра, а мне его в теодолит хорошо видно. Вот остановился начальник, осматривается — наверно, контрольную точку выбирает. Так и есть, поставил свою красную вешку — палка такая у него длинная, красного цвета, чтоб лучше было вид-

ной трассы, — как у нас говорят, делаю взгляд назад. Фиксирую ближайшую вешку, а на круговой горизонтальной шкале инструмента замечаю цифру. Теперь делаю взгляд вперед. Фиксирую вешку за поворотом и опять замечаю цифру. Остается только высчитать величину угла поворота и записать ее в угломерном журнале.

Когда по всей трассе будут поставлены вешки, а вершины углов поворотов будут обозначены столбами с указанием номера, величины и направления угла — только тогда мы говорим: трасса нанесена на местности. А теперь трассу надо «зарисовать в фас и в профиль».

са пересечет ручей высоко по течению, там, где он не бывает особенно полноводен»);

не надо издалека подвозить песок и гравий, — весь грунт из выемок на крутых подъемах можно использовать для отсыпки насыпи на крутых спусках;

дорога будет не длиннее намеченной (первого варианта) и, кроме того, пройдет по красивым местам, так что будущие пассажиры рейсового автобуса в пути не соскучатся.

Закончили рекогносцировку. Наметили и нанесли на карту три варианта трассы. Теперь пора трассу провешивать.

«Провешивать» не имеет ничего общего с глаголом «вешать». Никто ничего ни на что вешать не собирается. Провешить трассу — значит поставить по ее оси вешки и колышки, которые укажут пикетажистам и нивелировщикам, где им проводить свою работу.

Техник-угломерщик говорит:

но. Теперь я навожу теодолит на эту красную вешку. Как только увижу, что вешка оказалась между двумя вертикальными черточками-рисками, сразу даю отмашку, что, дескать, вешка зафиксирована, и начальник может двигаться дальше. И так до поворота. Без которого, как известно, ни одна дорога не обходится.

Начальник партии говорит:

— Определять углы поворотов трассы — дело серьезное. Выбрать место нужно с таким расчетом, чтоб дорога могла поворачивать плавно, постепенно. Тогда и водители не будут снижать скорость, потому что им все время дорога видна будет далеко вперед.

Угломерщик продолжает:

— Начальник поставил вешку и сигналил мне, чтоб я подошел с теодолитом — замерять угол. Подхожу, устанавливаю инструмент и поворачиваю трубу вдоль уже пройден-

Мы проводим пикетаж.

Пикетаж — от слова «пикет»; пикет — обыкновенный сосновый или еловый колышек, которым «закрепляем» каждые сто метров промеренной трассы. А пикетажист — это очень внимательный и терпеливый человек.

Пикетажист говорит:

— Мне надо всю трассу прощарать и все, что увижу на ней, записать и зарисовать в пикетажку. Так мы называем пикетажный журнал — специальный блокнот из миллиметровки. И не просто записать, а и промерить все расстояния. Конечно, одному с такой работой не справиться. Со мной идут двое рабочих. Волокут рабочие длинную, двадцатиметровую, металлическую ленту по земле: отмерят 100 метров — вбивают пикет и пишут на нем его порядковый номер. Рабочие продвигаются дальше, а я заново в пикетажку все, что находится в пределах дан-

ного пикета. К примеру, так: ПК 42 (пикет № 42), справа 20 м в/в (опора высоковольтной передачи), слева 15 м — валун.

Пикетажист зарисовал трассу «в фас». На его плане не видно, где кочка, а где ямка, где подъем, а где уклон. Выходит, одного плана недостаточно. Надо еще зарисовать трассу «в профиль».

Техник-нивелировщик рассказывает:

— Работаю я с инструментом, который называется нивелир. В отличие от теодолита нивелир не поворачивается в вертикальной плоскости и не имеет круговой шкалы. Нивели-

а она меня качает. Ветер подует, а рейка — в ней четыре метра длины — так и вырывается. Тут уж ее не только двумя руками — всем туловищем держать приходится. А на болоте рейка утопает во мху. Надо под нее подставку — башмак — ставить. Для точности замера. А еще комары облепят. Отмахиваюсь от проклятых — рейка дергается, нивелировщик злится.

Нивелировщик продолжает:

— А переворачивать рейку все-таки забывать нельзя. Дело в том, что в нивелир я вижу только одну цифру. А если это — цифра-перевертыш, скажем, 6 или 9? Поди догадайся,

От репера к реперу и от пикета к пикету проходим мы с нивелиром и рейкой всю будущую дорогу, какой бы длинной она ни была. Медленно продвигаемся — не больше одного-трех километров за весь рабочий день.

А когда трасса будет промерена, я по своим записям в нивелировочном журнале вычерчиваю ее продольный и поперечный профили.

— Мы, изыскательская партия, прошли по всем трем вариантам трассы.

Мы тщательно промерили наши трассы. Составили угломерные, пикетажные и нивелировочные журналы и другую

лиром измеряю уровень поверхности, и ничего больше.

Как иголкой без нитки ничего не сошьешь, так и нивелиром без рейки нельзя измерить колебания трассы по высоте. Потому-то мы, я и мой помощник-реечник, всегда вместе, как неразлучные друзья. И, как настоящие друзья, часто ссоримся...

Реечник перебивает:

— А почему ссоримся?! Это со стороны кажется, что рейку таскать дело нехитрое. Конечно, я знаю, что в нивелир все вниз головой видно. Предупреждали, да и сам смотрел! И чтобы правильным был отсчет высоты, рейку переворачивать надо, — тоже знаю. Я-то все знаю, да вы не знаете, что такое рейка. Как побегаешь с ней целый день, так забудешь, как маму звать, а не только что эту юную жердину надо переворачивать.

А то бывает, нивелировщик кричит: «Что качаешь рейку? Держи ровнее!» А это не я ее,

что рейка стоит вверх ногами.

Говорят, что танцевать легче всего от печки. Моя «печка» — начальный репер, обыкновенный столб метра полтора длиной. Вкапываем его поглубже в землю, а на нем пишем его порядковый номер, год, когда его ставили, и название организации, которая здесь работала. Для репера в начале трассы принимаем условную отметку высоты в миллиметрах. Ну, скажем, 50 000. А через каждые два километра по всей трассе ставим другие репера, с другими, соответственно, отметками. По ним строители всегда проверяют высоту отсыпанной насыпи или глубину выемки.

техническую документацию.

Наших полевых материалов с нетерпением ждут проектировщики.

И вот в результате нашей совместной длительной и кропотливой работы появляется объемистый машинописный труд, состоящий из нескольких книг. Это — проект дороги.

Дороги Первомайск — Ямки, о которой мы вам рассказали, не существует. Мы ее выдумали. Но все остальное — чистая правда. Именно так начинается строительство любых автомобильных дорог.

Всех, кто здесь рассказывал, спросил и слова их записал наш спец. корр. Константин Феноменов.

Оформление А. Януса

«Пионерский километр» — что это значит?

Зачем километр? Для чего километр? Почему «Пионерский»?

Подумайте, пионерстроители, и напишите нам, что вы по этому поводу надумали.

В следующем номере «Костра» мы продолжим разговор о Дороге.

Кокосовые пальмы, рисовые поля — все это может давать три урожая в год! Удивительно богатая эта страна — Вьетнам, „Страна Юга“...

Запомните эти лица! Это народ, который не сдастся, не покорится врагу.

Два фото из Вьетнама

Эрвин Бекир, фотокорреспондент из ГДР, провел в Демократической Республике Вьетнам несколько месяцев.

— Во Вьетнаме пионеры звали меня Онг Лиен Чо, — вспоминает Бекир, — что означает «Дядюшка Советский Союз». Они так привыкли, что инженеры, ученые, специалисты — это граждане СССР, что и всех вообще европейцев называют сейчас Онг Лиен Чо. Я видел вьетнамских детей в их школах, эвакуированных в джунгли; на рисовых полях и фабриках, спря-
танных в пещерах.

Все эти замечательные дети помнят только войну, они не знают мирного времени. Пионеры Вьетнама помогают взрослым, стоя у станков или собирая урожай, поднося снаряды на позиции и посты охраны. Вьетнамские пионеры — тоже герои борьбы своего народа, и я хочу, чтобы мои читатели, и в первую очередь дети и пионеры всех стран, брали с них пример.

Фото Э. Бекира

Плюс, Минус и Тимоша

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Игорь Ефимов

Рисунки И. Казаковой

Из пункта А в пункт Б

Один обыкновенный мальчишка по имени Тимофей, или еще по-другому Тимоша, как к нему обращались, когда просили чего-нибудь невозможного (например, не стучать кастрюлей о кастрюлю), или, по-третьему, Тимка, как его звали, чтобы не путать с соседским щенком Бомкой, — да, так вот этот самый мальчишка широко раскрыл свои зеленые глаза и сразу же крепко закрыл их, потому что ему ужасно не понравилось то, что он увидел.

Вообще закрывать нарочно глаза или затыкать уши ему строго запрещалось.

Другие пользовались этим замечательным способом сколько угодно, как например, две девочки из их класса, которые, когда ссорились, говорили нараспев всю правду друг другу в лицо, одна — «Алла-воображала, Алла-воображала», другая — «Лиза-подлиза, Лиза-подлиза»; но так как глаза и уши при этом они всегда зажимали пальцами, то очень быстро мирились и правды о себе так и не узнали. То же самое и взрослые: если им не по вкусу было, что говорили другие, то папа, например, бросал трубку на рычаг телефона, мама запиралась на веранде, а бабушка незаметно выключала слуховой аппарат в кармане кофты. Стоило же Тимоше один только раз применить такой же прием — заткнуть уши посреди бабушкиных причитаний о бессердечных мальчишках, грязных башмаках и чистых полах, как на него набросились все трое, закричали, заахали, вытащили пальцы из ушей, отняли на два дня велосипед, выключили детскую передачу по телевизору... За что? Правда, он, кажется, еще запел при этом дурацким голосом: «Дайте мне умереть хоть спокойно, дайте мне хоть спокойно умереть». Но за это его почти не ругали — только за глаза и уши. И настрого запретили делать так впредь.

Однако что ему было сейчас до всех запретов! Ведь то, что он увидел, то, что он увидел!.. Нет, даже самый взрослый на его месте не удержался бы и зажмурился. Это было такое страшное, что его не должно было быть на свете, не то что здесь, в их озере.

Но оно было!

Оно лежало в воде в трех метрах от него, и, кажется, оно хотело есть.

«Нет, я не стану на него смотреть, — думал Тимоша. — Я лучше полежу так тихонько и буду вспоминать что-нибудь хорошее из своей жизни. Может быть, оно и уплывет само собой».

Он начал вспоминать, но ничего не вспомнилось. Уже давно, то есть с самого утра, в его жизни не было ничего хорошего. Днем он было собрался сделать уроки, чтобы вечером его отпустили глядеть футбол, как и в прошлое воскресенье, но задача попалась такая вредная, что ее бы и Венька Корабликов не решил. Там один человек шел себе из пункта А в пункт Б, а потом зачем-то сел на середине пути в моторную лодку и поплыл в два раза быстрее! Было уже непонятно, откуда он взял эту самую лодку посреди дороги, и по какой воде поплыл, и зачем идти пешком — неужели велосипеда у него не было. В их поселке у всех были велосипеды, и еще ходил автобус — каждые полчаса в город и обратно, и еще много было мотоциклов, а на лодках плавали только за рыбой. Но про рыбу в задаче ничего не говорилось, а спрашивалось, сколько времени этот псих, то есть этот человек, был в пути, если пешком он покрывал все расстояние за один час.

«На моторке, конечно, хорошо, — думал Тимоша. — Теперь еще бывают с подводными крыльями — мне бы такую. Только бы меня тут и видели. Можно было бы уплыть в самый узкий на свете пролив и стать там

пиратом. Или нет — пиратом плохо. Пришлось бы рано вставать, а то еще пропустишь какой-нибудь богатый корабль. Лучше быть спасателем. Спасай себе и спасай. У них и фуражки красивые, и флажок на корме. Только разве кто-нибудь теперь тонет? Как же, дожидаясь. Нет, самое лучшее — заплывать куда подальше и приплывать домой, если сам захочешь. И разговаривать только по радио. Хочешь — говори, не хочешь — щелк! и полная тишина».

Так Тимоша бился над задачей целый час, а потом увидел на улице Веньку Корабликова. Тот ел мороженое, и лицо у него было такое, что Тимоша невольно вспомнил одно взрослое слово, которого раньше не понимал, а теперь понял, что оно значит. Отрешенное! — это же, наверно, когда человек отрешил задачу. Отрешил себе и движется не спеша в тот конец поселка, где стадион, куда уже стекается народ и проехала машина с футболистами из райцентра, и другая машина, с которой будут продавать лимонад и пряники, и там уже, наверно, развеваются флаги, и сосед Бирюков натягивает свою рыбацкую сеть на футбольные ворота, а ребята из их класса аккуратно насыпают горстями известняк на черту вокруг поля. Все насыпают, а он один сидит тут над этой задачей, и неизвестно, сколько еще просидит из-за какого-то дурацкого путника с его дурацкой моторкой, с дурацкими пересадками посреди пути...

Тут Тимошу взяло такое зло, такая обида, что он вскочил со стула, надул щеки, левой рукой зацепил правую ногу, а правой рукой стукнул что есть силы по задачному, да еще выкрикнул при этом что-то похожее на «бурльвжых». При этом он забыл выпустить из пальцев авторучку — длинная клякса вылетела из нее и упала на слово «вдвое». Получилось: «человек сел в моторку и поплыл... быстрее». Но Тимоше некогда было всматриваться, куда упала клякса и что стало с задачей, потому что в то же мгновение за его спиной шлепнулось что-то тяжелое.

Тимоша оглянулся и увидел совершенно малознамого человека.

На нем была белая каска, то есть не каска, а панамы, рюкзак и закатанные до колен штаны. Он лежал, упираясь в пол руками, и таращился по сторонам, словно хотел понять, кто это так ловко подставил ему подножку. Потом вскочил, воздел руки к потолку — от этого рукава его куртки упали, и Тимоша увидел часы и компас. Человек поднес их к глазам, взгляделся, задумался ненадолго и, видимо, чего-то подсчитав в уме, горестно закивал сам себе и захныкал.

— Все кончено. Опоздал, конечно, опоздал, — забормотал он, опускаясь на стул и утираясь панамой.

— Да, — сказал Тимоша. — Мама с папой уехали в город с утра. А вернутся только вечером.

— Мама с папой? А из какого они отдела?
— Мама из отдела снабжения. А папа — с главного технолога.

— Нет... Не знаю таких, — пробормотал человек. — А сам ты?

— Я? Я еще не из отдела. Я из третьего «г».

Человек отер лицо и усы, и Тимоша вспомнил, на кого он похож: на тот плакат в сберкассе — «Накопил и машину купил».

— Нехорошо, третий «г», — покачал он головой. — Ох, нехорошо ты со мной поступил. Теперь выручай как хочешь. Знаешь, как это бывает? Сегодня — ты мне, завтра — я тебе. А? Уж, пожалуйста, — давай — спасай — помогай.

— А чего делать?

— Дело у меня, честно говоря, простое, но ответственное! — ужас. Тридцать лет уже работаю, и всегда — одни благодарности. А сегодня... — тут он горестно помотал головой и опять легонько хлопнул носом. — Надо же так... И с чего вдруг? Не пойму, просто не пойму, что случилось.

— Ничего, — сказал Тимоша, только чтобы не молчать. — Может, еще обойдется.

— Нет, у нас строго. Да, так вот: тридцать лет уже хожу я из пункта А в пункт Б...

— Что?! — заорал Тимоша.

— Да-да, тридцать лет, половину пути пешком, а половину...

— На моторке?

— Ага, слышал обо мне, — сказал человек АБ, видимо, очень польщенный. — Да, это именно я — полпути пешком, полпути — на моторке, в любую погоду, зимой и летом, тридцать лет одни благодарности...

— А какой ответ? — быстро спросил Тимоша.

— Ответ? — переспросил АБ и слегка побледнел.

— Ну да. Сколько времени вы в пути?

АБ побледнел еще больше и начал озиаться по сторонам, потом как-то съежился на стуле — даже ноги поджал.

— Но ведь это тайна, — прошептал он. — Величайшая тайна.

— Ах, да. Извините, — сказал Тимоша. — А где вам больше нравится — в пункте А или в пункте Б?

— Хм-м... Вот уж не знаю. Не задумывался. Какой-то ты странный, третий «г». И вопросы у тебя такие... не по существу.

— Почему это не по существу? — обиделся Тимоша. — Сами же просили помочь, а теперь только путаете.

— Помочь! Помочь непременно. Ты вот что... Ты меня извини, конечно, но не мог бы ты сегодня сделать

этот путь за меня? А? На моторке, с ветерком? Так сказать, взбороздить волны — в пене и брызгах?

— Взбороздить? — сказал Тимоша.

— Да, пожалуйста.

— А вы?

— Я боюсь Минуса.

— Я тоже не люблю, если минус.

— Ну, тебе-то он ничего не сделает.

— А вам?

— Мне?.. Мною он пренебрежет.

Никогда еще не видел Тимоша, чтобы взрослый человек так дрожал и боялся. При одном только слове «пренебрежет» он так весь сжался и заерзал, что Тимоше трудно стало говорить ему «вы».

— Послушай, — сказал он. — Послушайте. А где она, ваша моторка? Я хотел бы на нее сначала посмотреть.

— Прекрасное! Замечательное судно! — оживился АБ. — Идем, это здесь рядом. Непотопляемое, обтекаемое, автоматизированное! Ребенок может управлять.

— Я не ребенок, — сказал Тимоша, уже было двинувшийся к дверям.

— А если б и ребенок — что тут плохого?

Они вышли в сад и, пригибаясь под яблонями, спустились к берегу озера, причем АБ все время забегал вперед и покусывал пальцы от нетерпенья. Рюкзак шлепал его по спине и сверкал заплатами. Он первый подбежал к воде, оглянулся и достал из кармана коробочку.

— Где же ваше обтекаемое и непотопляемое? — спросил Тимоша.

— Все мое ношу с собой, все мое ношу с собой, — забормотал АБ и бросил коробочку в воду.

В тот же момент неизвестно откуда появилась старенькая моторка — будто выскочила из камышей и закачалась, и запрыгала, переваливаясь на воде помятыми боками.

АБ подтащил ее к берегу за якорную цепь, поцеловал на прощанье в ржавый нос и передал цепь Тимоше.

Тут бы и спохватиться нашему Тимоше, тут бы и отказать... Так нет же!

Будто он был маленький, будто не понимал, что от хорошей жизни никто не отдаст даром такой замечательный корабль. Он только боялся, что АБ передумает, и поэтому быстро-быстро залез на сиденье и вцепился в штурвал.

— Главное — береги голову! — крикнул ему в ухо АБ, запуская мотор.

— Почему голову? — закричал сквозь грохот Тимоша.

— Имеем — не жалеем! — закричал АБ, и моторка понеслась.

Брызги и пена, две волны на носу, справа и слева,

гладкие, как стружки, ветер в лицо и за шиворот, мы мчимся вперед и вперед — какое это было счастье!

Увы, недолгое — очень недолгое.

Сначала Тимоша понял, что не действует штурвал. Его можно было поворачивать туда и сюда, можно было крутануть несколько раз, а то и вовсе вынуть из гнезда и выкинуть за борт — непотопляемая все равно неслась по прямой. Потом он почувствовал, что у него промокли ноги. Он поглядел вниз и увидел настоящий праздник фонтанов. Вода била из дна десятками струек, а через самую большую дыру успели заплывать две рыбешки, которые тут же начали хватать Тимошу за шнурки ботинок, думая, видимо, что это такие неизвестные им червячки.

И в довершение всего он увидел перед собой остров.

Ни про какой остров на их озере ему не приходилось раньше слышать. Не мог же он вырасти за одну ночь со всеми своими деревьями и кустами? Но он вырос, и моторка неслась прямо на него. Издали он казался довольно зеленым и мягким на вид, но вскоре стало заметно, что со всех сторон его окружают острые камни, торчащие из воды. Только теперь Тимоша понял, почему АБ советовал ему побережь голову.

Он в отчаянии стал пинать ногами мотор, но тот, конечно, и не подумал выключаться. Если бы удалось найти хоть какую-нибудь подушку или матрас, чтобы не разбиться! Но в кабине не было ничего мягкого, кроме пары старых валенок, засунутых под сиденье.

Камни были уже совсем близко.

И тут Тимоше пришла замечательная мысль.

Какой бы он ни был «бессердечный», но голова-то у него работала.

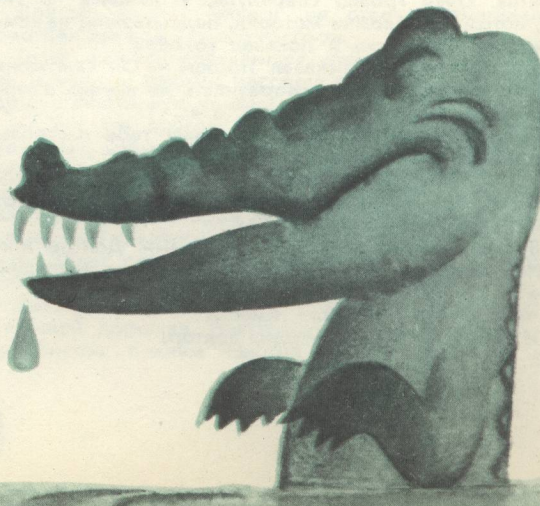
Он выбрался на нос моторки и лег ногами вперед. Ему едва хватило времени прикрыть валенками грудь и живот, как эта замечательная, эта обтекаемая и непотопляемая, эта волшебная моторка врезалась со своими рыбами и фонтанами в здоровенный валун и выстрелила Тимошей вперед, как из пушки.

Тимоша перелетел оставшуюся полоску воды и плюхнулся в желтый песочек. Валенки пролетели еще дальше и застряли пятками вверх в прибрежных кустах.

Доктор Минус

И вот теперь он лежал один на пустом песчаном берегу и боялся раскрыть глаза. Потому что в трех метрах от него из воды торчала голова с буграми и шишками, с зубами и клыками, с какими-то гадкими гримасами и ухмылками — да-да, голова настоящего крокодила. Ничего ему не померещилось — он все точно разглядел с первого раза, и больше глядеть ему не хотелось.

«С чего я взял, что он хочет есть, — думал Тимоша. — Пасть можно разевать и от скуки, и от жары, как, например, собаки. А интересно, что он думает обо мне. Знает ли он людей? Может, он боится ружья? Как бы ему сказать, что у соседа Бирюкова есть ружье? Нет, он не позерит. Лучше показать ему, что я тоже хочу есть. Он же не знает, что я не люблю крокодилятины, — может, испугается».

КАФЕ-ЗАПРАВОЧНАЯ

Тимоша сел на песке, раскрыл наконец глаза и начал с шумом нюхать воздух, глотать слюни и щелкать языком.

Крокодил, видимо, понял это по-своему.

Он вылез еще больше из воды, закивал, зачмокал, и на морде его появилась этакая мерзкая радость — мол, «ага, точно, хорошо бы чего-нибудь пожрать».

— Буль-буль, — сказал Тимоша и показал руками и головой, как плавают рыбы

и какие они вкусные. — Ры-ба. Ры-ба. Поймай, — сказал он громко для пущей понятности.

Крокодил крикнул, сморщился и даже слегка сплюнул — мол, так они ему надоели, что он видеть их не может, а хорошо бы чего-нибудь новенького. И пополз еще ближе к Тимошиной ноге, так что только хвост его оставался в воде.

— Кар-тош-ка, кар-тош-ка, — неуверенно предложил Тимоша, слегка отползая.

«Гадость», — фыркнул крокодил, медленно подвигаясь вперед.

— Клубника! — пискнул Тимоша.

«Сам ешь» — мотнул головой крокодил.

— Мороженое! — завопил Тимоша, вскочил и бросился бежать.

В тот же момент кто-то цепко схватил его за руку.

— Ой-ё-эй! Я невкусный! — заорал Тимоша.

— А где доказательства, где доказательства? — сказал чей-то голос над его головой.

Очень тощий и длинный человек стоял над ним и разглядывал сквозь очки.

Тимоша оглянулся.

Крокодил, пятясь, уползал назад и так заводил к нему глаза, будто ничего на свете его не интересовало, кроме двух стрекоз, гонявшихся друг за другом над камышами. Тощий человек погрозил ему тростью, и крокодил юркнул в воду, изобразив напоследок такую невинность, что «просто я не понимаю, о чем вы тут говорите». Очки грозно сверкнули, уставились на Тимошу, потом на обломки моторки, подсыхавшие на камнях, — тощий вздохнул и покачал головой.

— А я не виноват, — сказал Тимоша. — Он сам меня засунул в эту моторку, а заворачивать не научил и тормозить тоже. Она как помчалась, а я...

— Помолчи, — сказал тощий. — Вижу тебя насквозь. Читаю мысли. Не одобряю. Ответа не скажу.

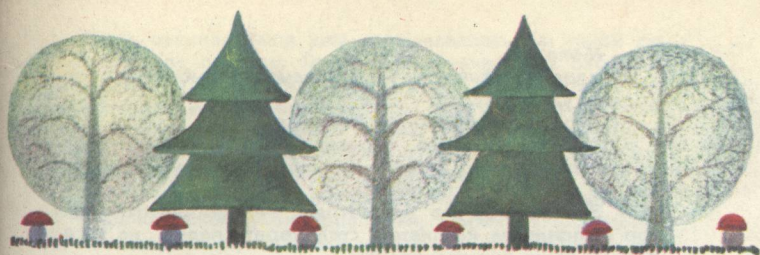
«Во дает, — подумал Тимоша. — Куда же это я попал? Наверно, это и есть пункт Б. А длинный — тот самый Минус. Ну я и влип».

— Верно. Так оно и есть. Я тот самый. Доктор Минус. Неподкупный. Вездесущий. Никому не верящий. Никем не любимый.

«И плешивый», — подумал Тимоша.

— И плешивый, — подтвердил доктор.

Тимоше снова стало страшно.

— Я хочу домой, — захныкал он. — Я устал. И мне еще уроки надо сделать.

— Хорошо. Твой дом в западном пригороде, номер сто двенадцать. Восьмая аллея. Комната три. Электричество, ванна и телефон. Я провожу.

— Нет, я в свой дом хочу. К бабушке. Она меня, наверно, ищет — опять я буду бессердечный. Отвезите меня, пожалуйста, обратно.

— Не говорите глупостей. Невозможно. Вы поступили на работу. С завтрашнего дня начинать. В восемь утра. Без опозданий. Без замечаний. Болесть — только опасными болезнями. Насморк и свинка — не в счет. Вам понятно?

— Какая работа?! Какой насморк? — завопил Тимоша. — Я к бабушке хочу.

— Работа простейшая. Из пункта А в пункт Б. Приятное путешествие. Один раз в день, в воскресенье — выходной. Моторку получите новую.

— А как же АБ?

— Им придется пренебречь. Все. Вопросы есть?

— Да, — сказал Тимоша. — Откуда у вас крокодил?

— Из задачи о трех бассейнах. Их там слишком много развелось — пришлось часть выпустить в озеро. Этот — тридцать восьмой. Самый недоразвитый. Вечно лезет на берег.

«Тридцать восьмой, — ужаснулся Тимоша. — Сколько же их там? Ох, не выбраться мне отсюда».

— Совершенно верно, — сказал Минус. — Не вы-
браться.

Видно было, что ему очень некогда, что где-то ждут его важные дела, но пока своего не добьется, он ни за что не отстанет.

«Ну, хорошо, — подумал хитрый Тимоша. — Я для виду соглашусь, а завтра мне дадут новенькую моторку, я сяду в нее и... только меня здесь и видели».

— А за такие преступные мысли полагается тюрьма, — сказал доктор Минус. — Ни ванны, ни телефона. Строгая изоляция. Еда — утром каша, в обед — каша, и на ужин тоже каша. Овсяная, — добавил он немного погоды.

Конец! — подумал Тимоша. — Вот это уже настоящий конец. Даже про кашу знает, про самую ненавистную. Ничего от него не скроешь, все мысли видит, проклятый».

— Ну, вот, сразу уже и «проклятый», — вздохнул доктор Минус.

Он сунул трость под мышку, крепко взял Тимошу за руку и повел его за собой.

Они вошли в лес. Песчаная дорожка, виляя, уходила в глубь острова и вся была обставлена разноцветными знаками, стрелочками и светофорами, которые тихо щелкали и поворачивались, включались и выключались им навстречу. Песок под ногами был какой-то странный — на нем не оставалось следов. Справа и слева ровными рядами стояли деревья — ряд сосен, ряд берез, ряд елок и снова — сосны, березы, елки. Между ними такими же ровными рядами росли грибы. Спрятаться в этом лесу, конечно, было невозможно — он просматривался насквозь. Кое-где на ветвях сидели птицы, оравшие во все горло и махавшие крыльями, но никуда не улетавшие, точно кто-то их приклеил. Одна, правда, попыталась перелетать с ветки на ветку — в тот же момент доктор Минус обернулся к ней и ши-

роко взмахнул руками. Полы его плаща, свисая с рук, и трость начертили в воздухе широкую черную полосу — настоящий минус, и бедная птичка под его взглядом быстро начала съеживаться, уменьшаться, пока не превратилась в еле заметную букашку, которую птица, сидевшая рядом, тут же и склевала.

«Пренебрег!» — с ужасом понял Тимоша.

— Вот именно, — холодно сказал доктор, трогаясь дальше.

«Может, у них тут и самолеты есть, — плетясь рядом с ним, мечтал Тимоша. — Например, из задачи о трех аэродромах. Вот бы удрать на самолете — никто не догонит».

— Ты опять? Снова за свое? Лишаю тебя трех выходных.

«И все у него по три. Других, наверно, и чисел не знает».

— Щенок, — сказал доктор Минус. — Мальчишка. Не смей думать обо мне в таком непочтительном тоне.

Тут они подошли к зеленому домику с надписью «Кафе-заправочная». Навстречу им выбежал невероятно хмурым человек с полотенцем в руке и низко поклонился доктору.

— Добро пожаловать, — забормотал он, — горячая и холодная заправка, всегда в большом выборе, ешь не хочу, только что с плиты, вкусно и питательно, дешево и сердито...

Доктор Минус, ничего не отвечая, выкидательно смотрел куда-то над его головой.

Тогда человек схватился, кинул на плечо полотенце и обеими руками растянул себе рот до ушей, изобразив счастливую улыбку.

— Вот это другое дело, — сказал доктор Минус. — Вечно вы забываете о приветливости, Заправщик. Значит, так. Молодой человек. Новый служащий. Зовут — Путник. Кормить три раза в день по пятнадцатой норме. Ему нужно скорее повзрослеть, поэтому как можно меньше сладкого. Все ясно?

— Дудет сделадо, вилости тосим, дады стадасться, — забормотал Заправщик, не выпуская растянутых губ.

Доктор Минус кивнул ему, и они пошли дальше по песчаной дорожке. Навстречу им проехали пять велосипедистов, причем каждый из них, проезжая мимо,

отпускал руль и растягивал губы в улыбку. Только последний не выпустил руля, потому что у него улыбка была закреплена какими-то специальными зажимами, зацепленными за уши.

«Ишь какие веселые», — подумал Тимоша.

— Здесь все такие, — сказал доктор Минус. — Веселые. Довольные. И ты скоро будешь такой же. «Держи карман шире».

— Зачем?

— Я хотел сказать — постараюсь.

— Это очень просто. Исполнительность и аккуратность — ничего трудного. Что может быть веселее исполнительности и аккуратности!

«Цирк», — подумал Тимоша.

— Есть и цирк. Там выступает один клоун, так он... — тут доктор Минус захихикал и еле смог договорить. — У него такая шутка... хи-хи... понимаешь... шутка, будто семью семь будет... хи-хи... сорок восемь.

«Страшно весело», — подумал Тимоша.

— Вот видишь.

Доктор Минус, кажется, все понимал буквально.

«А я не убегу. Не убегу, и не собираюсь, и не хочу», — попробовал думать хитрый Тимоша.

— Умница, — сказал доктор Минус.

«Мне тут очень нравится, тут все веселые».

— Молодец.

«Повара улыбаются, велосипедисты улыбаются, крокодилы улыбаются...»

— А ты хотел к какой-то бабушке.

«От такого доброго, справедливого доктора Минуса, — продолжал думать Тимоша и почему-то добавил, — ...с кляксой на пальце...»

— Это ничего, это мы сотрем, — пробормотал доктор и, поплевав на платок, стал тереть палец, на котором не было никакой кляксы.

Ошеломленный Тимоша чуть не проговорился, вернее, чуть не продумался, что палец чистый.

«Палец грязный, теперь почище, вот еще немного около ногтя», — заставлял он себя думать и вдруг представил себе, что начинается дождь.

Доктор Минус тотчас поднял над головой трость, и она, щелкнув, превратилась в зонтик.

«С ума сойти!» — ахнул Тимоша.

— Да, замечательная вещь, — согласился доктор Минус. — Щелк — и зонтик.

Тимоше все труднее и труднее было думать наоборот. Шальные правильные мысли так и лезли ему в голову, и он, чтобы не пускать их, пел про себя футбольную песню «Когда умру, похороните на стадионе вы меня...»

— Не мог бы ты петь что-нибудь другое? — поморщился доктор Минус.

Когда дорога привела их к какой-то речке, в голове Тимоши созрел замечательный план.

«Мостик разобран, мостик разобран, — стал думать он. — Осталась одна досочка, меня выдержит, я пройду, а вдвоем ни за что. Доктор провалится, бедный доктор Минус провалится, обязательно, непременно...»

— Какая ерунда! — воскликнул доктор. — Жалкая лужа. Ведь я до сих пор занимаюсь спортом. Прыг — и готово. Смотри, как это просто.

Нет, Тимоша не хотел этого!

Он только хотел, чтобы его перестали держать за руку. Тогда бы он дал деру и как-нибудь выбрался бы с этого улыбающегося острова и вернулся бы в свой чудный дом, к своей замечательной бабушке, к лучшему другу Веньке Корабликову, а доктор Минус пусть себе жил бы и жил спокойно, он не хотел ему ничего плохого, но...

Все произошло слишком быстро.

Доктор Минус, этот неподкупный и вездесущий, всех пугающий и никем не любимый, читающий мысли и не видящий, что у него под носом, отошел на несколько шагов от абсолютно целого мостика, разбежался наискосок, прыгнул и, стукнувшись об абсолютно целые перила, с пронзительным воплем кувыркнулся вниз головой в воду.

Тотчас замигали светофоры, зазвенели звонки, загорелись стрелки и кто-то страшно завыл вместо sireны — должно быть, волки из задачи о трех охотниках.

Перепуганный Тимоша не мог больше ничего сообщать — ни правильно, ни наоборот.

Он бросился вдоль речки, свернул в лес, промчался по нему через несколько березовых и еловых коридоров, выскочил на поляну с пятью пеньками, наткнулся на чей-то велосипед и вскочил на него, и понесся куда глаза глядят, и мчался до тех пор, пока не заехал в настоящий, неразлинейный лес и не распорол себе шины, задев ими перебегавшего дорогу ежика.

Тимошу объявляют преступником

Небо над Тимошиной головой загорелось, порозовело, потом начало сереть и вскоре совсем потухло — стало темно.

Подул ветер, деревья закачались и зашумели — стало страшно.

Кто-то заворочался и заворчал у Тимоши на животе, он в испуге смахнул его рукой, но рука не встретила никакого препятствия.

Тогда он понял, что ворчит внутри.

Ему ужасно хотелось есть.

Даже овсяная каша уже не показалась бы такой гадостью, как прежде. То-то обрадовалась бы бабушка, если бы он оказался сейчас дома и сел бы за стол. Наконец-то его не пришлось бы подгонять и упрасивать съесть еще ложечку. Он бы не оставил ни крошки на тарелке, не говоря уже о пряниках с вареньем.

Воспоминание о пряниках его доконало.

Глотая слюни, он начал выворачивать карманы.

В одном был кусок проволоки, шарик от пинг-понга и двадохлых жука, очень красивых, но в темноте даже от их красоты не было никакого толку. В другом — фонарик без батарейки и бутылочка валерьянки, которой он собирался напоить какого-нибудь кота. Съесть, что ли, жуков и запить валерьянкой? Но нет, до такого он еще не дошел.

Ветер шумел все страшнее, но еще страшнее было выйти из лесу. Ведь его, наверно, уже разыскивают, и что с ним сделают, если найдут? Теперь, после того, что он натаворил, уже не отделаешься какой-нибудь аллеей номер восемь, дом сто двенадцать, с ванной и телефоном. Даже тюрьма с кашей на завтрак, обед и ужин была бы большой удачей. Какая уж тут тюрьма! Его просто бросят крокодилу — и дело с концом.

Ох, теперь он понимал того тридцать восьмого, которому хотелось есть. Они бы сейчас могли договориться: ты съешь маленький кусочек от меня, а я от тебя, и все будут довольны. Такой маленький, не очень нужный кусочек. Например, пятаку. Но нет, пятки было жалко. А если палец? Или, скажем, пол-уха? Нет — и пальца, и уха, даже половинки, было жалко до слез. И всего себя было жалко — такого маленького в этом лесу, голодного, продрогшего, неизвестно куда попавшего.

— Помогите, — слабым голосом позвал Тимоша, но никто ему не ответил.

Потом незаметно для себя он встал и пошел. Из-под ног разбегались лягушки и прочая лесная нечисть, и Тимоше было удивительно, что его тоже кто-то боится. От этого он даже приободрился и, когда увидел впереди сквозь деревья огни фонарей, не остановился, а пошел прямо на них.

Фонари горели над шоссеиной дорогой.

Стрелок, значков и световых было на этой дороге еще больше, чем на первой, и время от времени по ней проносились красные, прижатые к земле, как половинка помидора, автомобили. Вдруг один автомобиль резко затормозил, завертелся на гладком асфальте и, съехав с дороги, врезался задом в толстенное дерево.

Тимоша снова, второй раз за день, закрыл глаза и уши, а когда раскрыл, то услышал жалобный стон.

Автомобиль стоял, задрав вверх нос, и густой дым валил у него из багажника. Жалобные стоны, без сомнения, раздавались из его кабины.

Не раздумывая, Тимоша бросился вперед.

Внутри сквозь дым он разглядел что-то желтенькое и зареванное, прижатое рулем к спинке сиденья.

— Вылезайте, скорей вылезайте! — кричал он, распахивая дверцу.

— Не могу! — запищало желтенькое. — Зацепился штанами. Если я двинусь, ляжки оборвутся.

— У вас оборвется жизнь! — крикнул Тимоша и дернул желтенькое к себе.

Раздался треск, и они оба полетели в канаву.

В тот же момент автомобиль вспыхнул, как костер, грохнул и разлетелся на мелкие кусочки.

— Ух ты! — с восторгом воскликнул желтенький мальчишка, спасенный Тимошей.

— Разве тебе не жалко? — спросил Тимоша.

— Жалко? Что это значит — «жалко»?

— Ну как же, — растерялся Тимоша. — Вот автомобильчик, такой был красненький, новенький и вдруг раз! — и вдрыбадан.

— Что, что? Как вы сказали? Вдрыбадан? Ха-ха, заме-

чательное слово — никогда раньше не слышал. А? Вдрыбадан! Обязательно запомню.

— Так разве не жалко?

— Вы, наверно, хотите спросить — «не верно»? Все абсолютно верно — на тридцать шестом километре. — Желтенький ткнул пальцем в указатель.

— Не все ли равно, на каком километре?

— Конечно, нет. Мне было задано тридцать шесть километров за полчаса, а я чуть не проскочил. Поэтому и вышел дрыбадан. Но ничего — у нас в гараже их полно.

— Это у тебя задача такая? — догадался Тимоша.

— Нет, я еще только учусь. На гонщика. А вы?

— У меня... — смутился Тимоша. — Я там... на моторке...

— Ой, смотрите, — захныкал вдруг Желтенький. — Вы все-таки порвали мне штаны. Мои совсем новые желтые штаны.

— Подумаешь, штаны. Я же не нарочно. Я тебе жизнь спасал.

— Подумаешь, жизнь. Зачем мне жизнь без штанов?

— Неужели у тебя нет других?

— Есть. Ну и что?

— У тебя, наверно, штук десять штанов?

— Ну и что?

— А жизнь одна.

— Ну и что?

— Тыфу ты, бестолковый. Так десять ведь больше, чем одна.

— А-а-а... — протянул Желтенький. — Теперь понимаю. Какая тонкая мысль. Десять больше, чем одна, но одна жизнь важнее десяти штанов. Замечательно! С вами очень интересно разговаривать.

«Вот дурачок», — подумал Тимоша и вдруг спохватился: а что, если и этот читает мысли?

Но нет — Желтенький зашпиливал какой-то веточкой порванные штаны и ни на что пока не обижался.

— У тебя поесть ничего нет? — спросил Тимоша. — Не ел с самого утра.

— Почему?

— Потому что времени не было.

— Почему?

— Потому что занят был.

— Чем?

— Глупостями.

— Какими?

— Страшными.

— Где?

— Неподалеку.

— Когда?

— С самого утра! — свирепая, заорал Тимоша. — С самого утра, говорят тебе, пустая твоя башка!

— Прошу вас, не сердитесь, — сказал Желтенький, — но в ваших словах всегда есть какая-то тайна. Я понимаю — слишком много вопросов, это невежливо, но... Но можно еще одно маленькое последнее «почему»?

— Валяй, — слабым голосом разрешил Тимоша.

— Почему, если вы не ели с утра — ведь так, я правильно понял? — почему, в таком случае, вы вместо того чтобы пойти поесть, стоите здесь и непонятным способом тарыхтите у себя в животе?

— Это не я, — жалобно сказал Тимоша. — Это оно само тарыхтит и булькает.

— Но по-че-му?

— Потому что такой закон природы.

— Чего-чего?

— При-ро-ды.

— Природы?

— Слушай, ты мне надоел.

— Нет, пожалуйста, не уходи-те! — воскликнул Желтенький. — Я еще мало знаю, о многом и не слышал, например, про этот новый закон, но зато я знаю поблизости отличное кафе-заправочную.

— Правда?

— Совсем-совсем близко!

И он схватил Тимошу за руку и потащил его за собой.

«Ну, будь что будет», — подумал Тимоша и не стал упираться.

Они пересекли шоссе и вошли в очень прямую аллею, по обе стороны которой стояли аккуратные домики с огромными номерами на крышах. У каждого дома был свой садик, а перед калиткой — скамейка, она же — автомат с газированной водой. В садиках на грядках росли цветы и еще какие-то растения, на которых вместо цветов раскачивались разноцветные пушистые гусеницы. Еще внутри одного дворика Тимоша заметил маленький бассейн, круглый, как тазик, с надписью «Не кормить, не дразнить» — и хотел спросить, кто там живет, но тут Желтенький ввел его в стеклянную дверь, разрисованную парусными кораблями, — это и было кафе.

Войдя в зал, Тимоша сразу понял, при чем тут корабли.

Все в зале качалось.

Пол, люстра, столики, зеркала — все потихоньку раскачивалось, точно под ветром, только стены стояли неподвижно. Люди, сидевшие за столиками, не ругались, не возмущались этой качкой, а спокойно ели, вернее, сосали что-то из разных тонких трубок, торчащих из столиков.

Продолжение следует

ОТВЕТЫ НА ГОЛОВОЛОМКИ

(«КОСТЕР» № 3)

«Школьный спектакль». Керосиновая лампа, граммофон, книга Диккенса, картина «Три богатыря», автомат, авторучка, телефон, пианино, ручные часы, лапти, клюшка, консервы, наклейки на сундуке.

«Растеряхи». «Стол находок».

«Задача про номер телефона».

Семь лет.

(«КОСТЕР» № 4)

Серееже понадобятся: ножовка по дереву, молоток, долото, рубанок, стамеска, струбцина, угольник. (Не будет ошибкой использовать и другие инструменты, если это оправдано способом изготовления табуретки).

Задача: второй выиграл 400 рублей.

ТЕПЛОХОД ПРИВОЗИТ ЛЕТО

На Чукотке снова лето,
Вьюгам северным назло.
Знаешь, как случилось это,
Как сюда оно пришло?
Как в июле,
Как в июле
Ветры влажные подули.
— У! — воскликнул ледокол
И покинул свой прикол.
За нелегкую задачу,
Не колеблясь, взялся он:
Лед ломать он в бухте начал,
Прогоняя зиму вон.
Путь свободен, путь открыт!
Теплоход спешит, гудит.
Больше лед ему не страшен,
Развивает полный ход.
Он друзьям далеким нашим,
Догадайся, что везет?
И подарки, и приветы,
От которых так тепло.
Теплоход привозит лето
Вьюгам северным назло!

В. Шумилин

Рисунки Б. Семенова

 Уголёк

№ 5

1

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

К этому особенному дню Алян уже научился читать и писать печатными буквами и, всем друзьям заранее разослав открытки, приглашал к себе в гости. А что, если они не успеют получить открытки? И он каждую минуту спрашивал друзей: „Ну как, еще не получили?“ „Как же мы могли получить, когда мы все время с тобой играли“, — отвечали ребята. Вот как он волновался!

Братья Салазкины прибежали в гости с открытками и подарками на день раньше.

— Завтра... — вздохнул Алян, встречая их в дверях.

— Но мы уже открытки получили! — закричали Салазкины.

— Число ведь там написано другое... — он косился на подарки, завтра столько ждать!

— Сейчас мы переделаем! — закричали Салазкины, протискиваясь в дверь. Они уже слюнявили пальцы и по очереди терли число.

— Давайте заходите, раз такое дело! — обрадовался Алян, хотя Салазкины уже давно зашли. — Как хорошо, что вы явились! Я вам сейчас подарки подарю!

— Нам подарки? — удивились Салазкины. — Вот здорово!

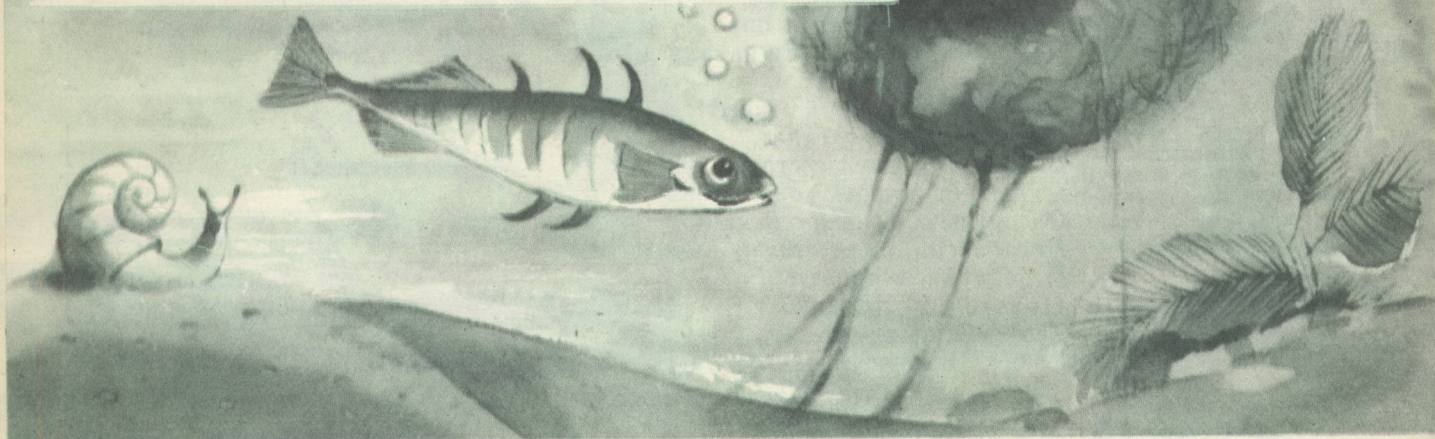

РЫБКА СТРОИТ ДОМ

Посреди текучих вод
Рыбка колюшка живет.
Эта рыбка строит дом,
Строит дом на дне речном.
Нет у рыбки инструментов:
Носит носом, роет ртом.
Раз! Глоток. Два! Бросок.
Роет колюшка песок,
Роет подводные травинки,
Строит стены, потолок.
Чуть появится зевака,
Рвется в драку забияка,
И зевака без оглядки
Удерет со стройплощадки.
Дом готов. Прекрасный дом.
Лучший дом на дне речном.

«Ну-ка, милая хозяйка,
В новый домик полезай-ка,
Положи икринки
На мягкие травинки.
Я домой не захожу,
Я снаружи сторожу,
Сторожу своих детей
От непрошенных гостей.
Эй, икрята, баю-баю,
Плавниками я качаю,
В дом подводный — баю-баю —
Воду чистую качаю.
Пусть среди текучих вод
Много колюшек живет!»

Валентин Берестов

2

— За то, что вы не опоздали!
— Мы всегда первые! — загордились они.
— Перегорелую лампочку берите, все берите! — кричал Алян.

— Лампочку кокнем! — закричали братья.
— Стекланный шарик берите, через него на солнце смотреть можно.

— Будем смотреть через шарик, — обрадовались братья.

— Я бы вам все свои игрушки подарил, но мне самому их подарили.

— Да забирай ты свои подарки, надоело их под мышками держать! — закричали они.

При виде замечательных подарков Алян захлопал в ладоши, и они втроем сейчас же, принялись играть.

Ребята строили из подарочного конструктора разные сооружения и расставляли подарочных солдатиков в позиции. К новым игрушкам прибавлялись старые: электрическая железная дорога, самолеты, машины.

— Будем играть, играть, играть и не будем останавливаться! — кричали братья. — Вечно нам приходится останавливаться на обед!

— Главное, играть, а остальное ерунда! — кричал Алян. — Главное — играть без передышки! Ребята играли без передышки, а потом им захотелось передохнуть.

Алян сказал:

— Мама купила зеленые бананы, и к завтрашнему дню они должны поспеть. Давайте посмотрим, может быть, некоторые уже поспели.

Некоторые бананы поспели, братья сели за стол, и Алян стал угощать гостей. Сначала Алян выбирал самые спелые, но потом они кончились. Слишком зеленые бананы есть было невозможно, и ребята решили подождать до завтра. Ведь завтра настоящий день рождения! Они возобновили игру, но вскоре Салазкиных увела бабушка. Аляна увели обедать. Он кричал:

— Завтра мой день! Мы будем играть без передышки!

Назавтра поспели бананы, пришли братья Васильчиковы, братья Салазкины, Валерка Зуев, и ребята играли, играли, играли без передышки.

Семь лет Аляну. Он пойдет в школу. Не будет у него столько времени поиграть. Может быть, поэтому он так старался наиграться вдоволь с друзьями.

Виктор Голявкин

КОСтя ТЕРкин берет интервью

— Алло, это КОНСТРУКТОРСКОЕ БЮРО «БИОФИЗПРИБОР»?
Что нового!

— Хотите узнать, как электронно-вычислительная машина будет помогать лечить больных?

— Неужели больным придется ходить на прием к вычислительной машине?

— Наоборот, вычислительная машина сама придет к ним домой. Представьте, вам показалось, что вы простудились. Снимайте трубку и набирайте номер Диагностического центра! Придет техник с аппаратурой...

— Не проще ли по-старому — вызвать врача?

— Прикиньте, сколько врачей у нас занимается каждую зиму одной простудой. Гораздо выгоднее заменить их техниками. Технику не надо учиться пять лет в институте: достаточно трехмесячных курсов.

— Но как же сможет лечить больных такой трехмесячный техник?

— Лечить — не его задача. Техник всего-навсего передаст врачу на вычислительный центр температуру вашего тела, частоту дыхания, давление крови, электрическую активность сердца.

— И все это он сможет определить?

— Техник ничего не определяет. Он установит вам два датчика-электрода на грудь и один на руку, чтобы измерить электрические сигналы сердца. Для измерения кровяного давления в надувном манжете на руке будет установлен миниатюрный микрофон, а по бокам груди — датчики для контроля за дыханием. Ну, и еще один датчик, чтобы измерить температуру. Это не обычный термометр, а небольшая пластмассовая таблетка — ее кладут под язык. Все датчики присоединены к магнитофону. Ваши медико-биологические данные записываются за 20—30 секунд. Потом техник снимает трубку телефона и, получив из центра сигнал «прием», включает магнитофон с записью данных. Теперь уже начнут работать вычислительная машина и опытный врач Диагностического центра.

— А если у меня нет телефона?

— Техник позвонит по ближайшему телефону.

— Но как же машина сможет поставить диагноз?

— Прежде всего в Диагностическом центре принятые по телефону сигналы будут переданы на специальное устройство. Аналогоцифровой преобразователь превратит эти сигналы в серию чисел, сравнит ваши данные с нормальными и по специальным программам, составленным врачами и инженерами, вычислит, насколько серьезно отклонение их от нормы. Затем машина найдет в «памяти» нужный метод и режим лечения и — выпишет рецепт на лекарство. Врачу-консультанту останется проверить, как машина справилась с диагнозом. Если заключение машины правильно, оно будет принято к исполнению медицинскими службами. Если у врача возникнут сомнения, то он сам проверит вычерченные кривые и внесет необходимые поправки в заключение машины.

— Это, наверное, дело очень далекого будущего?

— Вы ошибаетесь. Такие системы уже используются в наших лечебных учреждениях. Сейчас действуют и испытываются опытные образцы аппаратуры, созданные нашим и другими институтами.

Рисунок Ю. Лебедева

Чеча помогла

Королевский пинчер Чеча — моя любимица. Когда я учу уроки, она тихонько сидит у меня на коленях и очень внимательно смотрит в тетрадку, будто что-нибудь и в самом деле понимает.

Часто я беру с собой в цирк учебники и в перерыве между представлениями занимаюсь. Ведь мы с мамой очень часто переезжаем из города в город. Бывает, за год сменишь пять разных школ. Тройки-то получать не хочется. Однажды я все с учебником английского языка ходила, зубрила слова, предложения, правила. Забудусь и начинаю с собаками по-английски разговаривать.

Чече английский, видно, очень понравился, и мама шутила, что Чеча теперь даже лает как настоящий английский пинчер, — «бау-бау».

Как-то у меня по геометрии никак задачка не получалась, сижу на сундуке с собачьими нарядами и реву от досады.

Чеча тогда сердито схватила задачник зубами и швырнула под стол. Решила, наверное, что это он меня обидел... Мне сразу весело стало, и задача все-таки решилась.

Наверное, это мне Чеча помогла.

МОИ ЗАБАВНЫЕ, ЗАБАВНЫЕ СОБАЧКИ

Рисунки Н. Муратова

Добрый Джим и завистливый Чарлик

Джим и Чарлик играют на манеже в футбол. По характеру они очень разные.

Джим — добродушный, веселый, и поэтому, наверное, все у него очень здорово выходит.

Если уж ударит лапой по шару (вместо футбольных мячей у собак на представлении воздушные шары) — обязательно в ворота уходит. Одним словом, бьет без промаха. В нашей футбольной команде он самый лучший нападающий.

Чарлик же терпеть не может Джима за его удачливость.

Когда Джим забивает гол, Чарлик тут же бросается кусать Джима за лапы. Пришлось даже намордник ему надеть.

Самому-то не везет, как ни ударит — все мимо. Даже зрители с трибун кричат: «Мазила! Мазила!»

Но однажды Джим что-то заболел. И мы не могли выпустить его на футбол. Чарлик ликовал. Он носился по манежу как бешеный. Играл он в этот день лучше Джима. Мы не успевали доставать мячи из ворот — Чарлик посылал их в сетку то головой, то носом, то двумя лапами. Ему аплодировали, болельщики кричали «молодец!». Когда же Джим поправился и вышел на «поле», все началось по-старому. Зависть и злость явно мешают Чарлику в «работе».

Хитрая Нелька

Была у нас собака лайка, звали ее Нелька. Однажды она пропала...

Долго мы искали ее по всему цирку, наконец нашли в артистической гардеробной. Вид у Нельки был какой-то очень сонный, она даже идти не могла, пришлось нести ее на руках. На следующее утро артисты нам сообщают: «В цирке завелись крысы, только какие-то очень странные — дрессированные, что ли. Залезли в сумку, сгрызли килограмма два колбасы, граммов двести не доели — оставили... и, главное, сумку сами на молнию закрыли».

Тут мы с мамой сразу поняли, что никакие это не крысы, а наша Нелька похозяйничала.

А молнию расстегивать и застегивать я же сама ее научила.

Пришлось Нельку строго наказать за хулиганство, а перед артистами извиниться.

Тайник Цезаря

Самым лучшим танцором считался у нас Цезарь (из породы лаек). Только вот когда на него надевали рубашку и штаны, плясал он раза в три хуже. Рубашку еще кое-как переносил, но штаны терпеть не мог. Мы с мамой пытались объяснить ему, что работать в одной рубашке, без штанов, очень некрасиво. Заказали специально для него синие атласные шаровары.

Но после первой же примерки он стащил их с себя и спрятал так, что сколько мы ни искали — найти не могли. Пришлось сшить еще одни, зеленые, тоже из атласа. Разок он в них станцевал, и сразу после номера шаровары вновь исчезли бесследно.

Третьи шаровары сшили Цезарю уже сатиновые, — так эти он умудрился упрятать перед самым представлением.

Терпение мое кончилось. Тайник Цезаря отыскать никому не удавалось. Остался последний способ — «поговорить»:

— Сейчас же принеси все, что спрятал, иначе будешь сидеть голодный, — сказала я ему как можно строже и в первый раз не дала сахару, который он очень любил... Цезарь поплелся куда-то за ящики и виновато принес в зубах все свои штаны.

Где хранил их наш танцор, только ему одному известно.

Дог Вега

Дога Вега купили мы в Красноярске. Подружилась я с Вегой очень быстро. Только дружба наша началась не совсем обычно. Вдруг среди ночи чувствую, как кто-то потихоньку стаскивает с меня одеяло. Вскрываю испуганно, а это Вега меня будит. Я сразу поняла: на улицу хочет. Выпустила ее погулять, а домой загнать не могу, и почти до утра бродили мы с ней по заснеженным улицам Красноярска... Мама утром, когда узнала про наше ночное путешествие, очень рассердилась: «Так и простудиться можно». На следующую ночь повторилась та же самая история. Только теперь я уже санки с собой взяла, оделась

потеплее, запрягла Вегу... и часа два мы катались на морозе. Оказывается, к ночным прогулкам бывший хозяин Веги приучил, он бессонницей страдал. Ну, а мне тоже Вегина привычка понравилась. Уж больно хорошо мчаться среди ночи на санях, падать в сугробы, вскакивать, снова мчаться... Вот только мама была против таких прогулок, и мы с Вегой понемногу начали их укорачивать... А потом пришло время уезжать из Красноярска. Сейчас Вега уже вывозит на арену огромную повозку, в которой умеаюсь я и все мои собаки.

Модница Леди

Болонка Леди — большая модница. Когда перед представлением мы открываем сундук с нарядами для собак, она ловко заскакивает в него и сама выбирает себе воротничок поизящнее. А еще нравится ей смотреться в зеркало, изучать свою морду то с одной стороны, то с другой, а то вдруг начнет перед зеркалом прохаживаться на задних лапах. Когда мы готовим собак к выступлению, Леди очень кокетливо подставляет свою косматую голову. Что-то, а причесываться Леди любит... Только ей все время кажется, что причесали ее хуже других, она недовольно ворчит, скулит, требует, чтобы мы с мамой еще раз занялись ее прической. Однажды я нигде не могла разыскать любимый голубой бант Леди, пришлось завязать ей красный. Но она начала так сердито вертеть головой, так драть ненавистную красную ленту лапами, что пришлось срочно продолжить поиски голубого банта. Мы с мамой поняли: выступать «в красном» Леди не будет, это не ее стиль. Пришлось даже наш выход немножко задержать. Когда бант нашелся, Леди завизжала от радости и выступала в этот вечер как никогда.

— Что поделать, ей действительно очень идет голубой цвет и она это вполне сознает, — смеялась мама. И я не могла с ней не согласиться. Теперь у нас в собачьем гардеробе очень много голубых лент. На всякий случай.

Пончик и самокат

Сейчас мы готовим новый аттракцион: «Собаки на велосипедах и самокатах». Артисты наши без особого желания осваивают этот вид дорожного транспорта. Но вот боксер Пончик, забияка и драчун, совершенно неожиданно проявил большой интерес к самокату. Он решил, наверное, что «самокат» — живое существо. И первое время приносил и клал перед самокатом кусочки колбасы, сахар. Зато и самый первый выучился лихо ездить на самокате.

* * *

Меня очень часто спрашивают ребята в письмах:

«Яна, как ты стала дрессировщицей?»

Расскажу немного о себе.

Мама и мой дедушка работали в цирке, дедушка дрессировал медведей, мама — собак.

Я помогала маме с пяти лет, наряжала собачек, причесывала их перед выступлением, кормила малышей из соски.

Однажды в Иркутске (мне тогда было десять лет, училась я в четвертом классе) мама заболела и выступать не могла, номер срывался. А было это как раз под воскресенье, и тысячи ребятшек очень хотели посмотреть на дрессированных собак.

Я отправилась к директору цирка. Так на афише впервые появилось: «Выступает Яна Кудрявцева». Всю ночь перед первым моим выходом на манеж мы с мамой мастерили платье, нашивали блески на мои чешки (в цирке не оказалось ни костюма, ни тапочек такого маленького размера).

Когда я вышла на арену, у меня от страха тряслись коленки, голос срывался, но собаки «работали», как всегда, по своей программе, наверное, потому, что привыкли ко мне на репетициях. И даже собачий футбол состоялся. С этого дня мы с мамой обменялись ролями. Я выступаю, а мама помогает мне на репетициях. Но я понимаю, что мне еще надо много учиться, чтобы стать настоящей цирковой артисткой. И самое главное — хорошо окончить школу.

Записала Л. Кролевецкая

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Рекордсмен мира по спринту пробегает стометровку за 9,9 секунды. Но эта скорость не предельна. Мировой рекорд в эстафетном беге 4×100 метров — 38,5 секунды, следовательно, каждый из четырех спортсменов с палочкой в руках затратил на преодоление стометровки лишь 9,625 секунды!

Почему волшебная палочка убыстряет бег? Секрет простой: выигрыш во времени достигается тем, что трое из четырех спортсменов получают палочку тогда, когда уже развили достаточную скорость.

Передача эстафетной палочки на высокой скорости требует мастерства. Палочку передают в специально отведенной зоне передачи. В эстафете 4×100 м эта зона равна двадцати метрам, и спортсмены преодолевают ее примерно за две секунды.

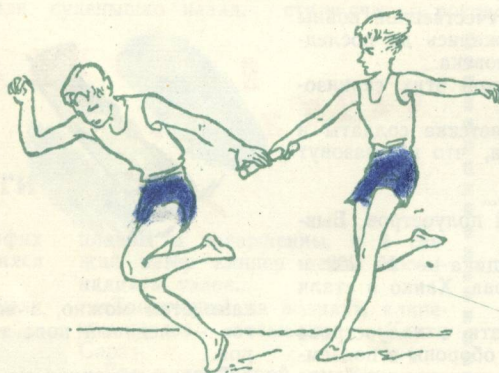
В эти считанные мгновения оба бегуна на самой высокой скорости должны двигаться четко и согласованно. Стоит замешкаться при передаче, и соперники уйдут далеко вперед. Еще хуже потерять палочку — тогда из состязания выбывает вся команда.

Побеждает в эстафете та команда, что сумела лучше «приручить» палочку и согласованность движений которой достигла автоматизма. А для этого надо разучивать способы передачи эстафеты.

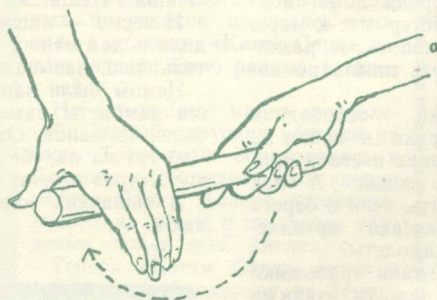
Первый способ. Спортсмен на стартовом этапе держит палочку в правой руке, а передает ее своему товарищу в левую. Тот, в свою очередь, заканчивая этап, передает из левой руки третьему участнику эстафеты в правую руку. Третий четвертому снова передает из правой руки в левую.

Когда стартующему бегуну остается пройти метров двадцать до пер-

Стартовая позиция бегуна, ожидающего передачу

Передача палочки движением снизу

Прием палочки снизу

Прием палочки сверху

вой зоны передачи, ожидающий его товарищ принимает положение высокого старта, наблюдая за ходом бега. Когда же расстояние сократится примерно до пяти метров, он, не оглядываясь, бросается вперед. Отбежав метров десять-пятнадцать, спортсмен отводит назад свободную левую руку, чтобы принять палочку. Несущий эстафету бежит в это время с наивысшей скоростью и нагоняет товарища примерно на пятнадцатом метре зоны передачи. Расстояние между бегунами в этот момент немногим более метра. Иногда передающий, протягивая вперед вытянутую руку, кричит: «Хоп!»

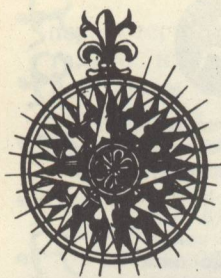
Второй способ. Палочка при всех трех сменах передается из левой руки в правую. Идущий со старта бегун держит эстафету в левой руке. Второй бегун, получив палочку в правую руку, перекладывает ее на бегу в левую руку, а передает товарищу в правую. Так же поступает третий участник эстафеты. Бегущему на четвертом этапе перекладывать палочку уже не требуется.

Этим способом пользуются обычно детские команды, так как разучить его проще.

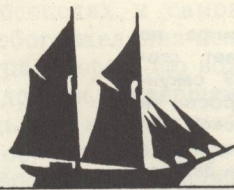
Существуют также два способа принимать эстафетную палочку: снизу и сверху. Чем различаются эти способы, видно на рисунках. Детские команды чаще применяют первый способ.

Передачу палочки можно разучивать на любой тренировке: во время коллективной разминки, при легких пробежках. Есть игры с передачей эстафеты. Закреплять эти навыки лучше всего на стадионе, в условиях, похожих на соревнования.

*П. Истомин,
мастер спорта*

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

КАК ВЫВОЗИЛИ РАНЕННЫХ С ПОЛУОСТРОВА ХАНКО

С первых же дней Великой Отечественной войны советские военные гарнизоны сражались до последнего патрона и до последнего человека...

Даже враги называли защитников этих гарнизонов бессмертными.

Но это были обыкновенные советские солдаты и матросы, и, умирая, они не знали, что их назовут героями.

Таковыми были и защитники Ханко...

Ханко — это порт и небольшой полуостров. Бывший Гангут.

31 июля 1941 года два тральщика — № 202 и № 203 — добрались до полуострова Ханко и стали на якорь.

Тральщикам был приказ: вывезти с полуострова тяжелораненых. За первые недели обороны в подземных госпиталях на Ханко лежало их более трехсот человек.

Ханко был под обстрелом. Горели дома, нордовый ветер нес к морю дым и копоть. И разлитая нефть плыла по воде...

Моряки освободили все кубрики и койки на тральщиках и стали принимать людей. А как принимать, если с берега бьет финская артиллерия, а с воздуха бомбят немецкие самолеты?

Тяжелая была погрузка... Но все-таки тральщики загрузились и еще по восемьдесят человек взяли на верхнюю палубу. И сразу — на выход.

Идти нужно было между своих же мин, узким фарватером.

Командир головного, „Двести третьего“, две ночи не спал и был контужен, но стоял на правом крыле мостика. Он поглядывал на море и на небо, а море и небо были чистые и ясные, как нарочно.

А когда смотрел командир на палубу — видел всюду белые повязки да костыли. И красного креста не надо, и так видно: походный госпиталь, а не тральщик.

И вот половину фарватера не прошли, банку Аякс миновали — загрели колокола громкого боя! Тревога! Немецкие самолеты!

Госпиталь на палубе зашевелился... А куда денешься? И ведь одно — атаку ждать с целыми руками и ногами и драться и знать, что в случае в во-

де окажешься, так хоть до подхода своих поплаваешь. А тут беспомощные и обескровленные люди.

«Юнкеры» же со стороны солнца сваливаются в пике и первые бомбы начинают рваться около тральщика. А скорость у «юнкеров» не корабельная и маневр не тот...

У тральщика какая от бомб защита? Стрелять по самолетам можно, а всей брони у «Двести третьего» — ледовый пояс толщиной в десять миллиметров.

Глядит командир на самолеты, вцепился руками в поручни.

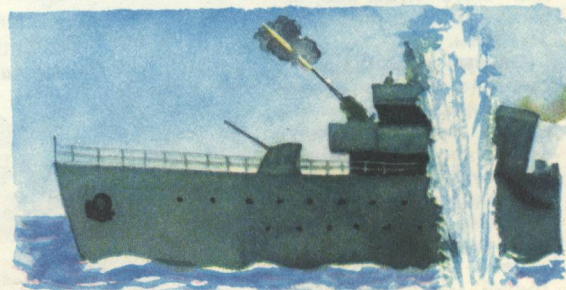
Совсем дело скверное...

И вдруг слышит с палубы слабо так зашумели: «Наши... Наши!..»

И верно — наши. С аэродрома Ханко немцев увидели и два наших «ишачка» — так «И-16», истребитель наш, называли, — взлетели и высоту набирают.

Немцы были заняты тральщиками и не сразу наши самолеты заметили. А когда заметили, поздно было, головной «юнкерс» задымил и в залив упал. Что тут на палубе началось! Раненые костылями машут, «ура» кричат... Бескозырки вверх полетели...

А «ишачки» только короткими крыльями покачивают.

Два оставшихся «юнкерса» бомбы как попало по заливу рассеяли, а тральщики на чистую воду выскочили и курсом на Кронштадт легли...

Олег Орлов

ШКОЛЬНИКИ

«Мы хотим прочитать о «Летучем голландце»...

ученики 7 «а» класса
школы № 43 г. Кургана

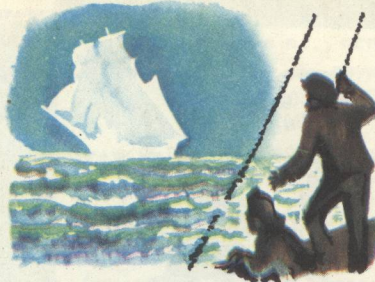
Рассказывает арктический капитан Степан Петрович Быстроходов.

«... В давние времена капитан амстердамского брига Корнелиус Ван дер Флит поспорил о большой заклад с другим капитаном, что обогнет мыс Доброй Надежды во время декабрьских штормов.

Но как ни пытался Корнелиус обогнуть мыс, ветры отбрасывали его корабль назад.

Паруса были потрепаны, питьевая вода кончилась. Измученная команда взбунтовалась. Вздвигнутый Корнелиус убил двух человек и попытался плыть дальше.

И снова штормы отбросили суденышко назад.

И тогда Корнелиус — как гласит легенда — продал свою душу дьяволу...

С тех пор никто и никогда не видел корабль Корнелиуса в Амстердаме.

Но, говорят, во время декабрьских штормов моряки и по сей день встречают у мыса Доброй Надежды странный корабль. Он несется на всех парусах, у штурвала стоит человек, одетый в старинную голландскую одежду...

И встреча с «Летучим голландцем» грозит гибелью.

...Есть у легенды и реальная основа.

Моряки часто видели отражение далеко идущих парусников — мираж, внезапно возникавший и внезапно таявший.

Остальное дорисовывало суеверное воображение. А так как миражи на море предшествуют сильным штормам, встречу с «Летучим голландцем» и стали считать роковой...

ЖИЗНЬ МОРЯ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

„Катти Сарк“

Сто лет тому назад на верфях Думбартона в Англии родился этот клипер.

Обводы «Катти Сарк» были

плавны и совершенны, и в свежий ветер клипер делал восемнадцать узлов...

«Танцующей на волнах», клипером-мечтой называли «Катти Сарк».

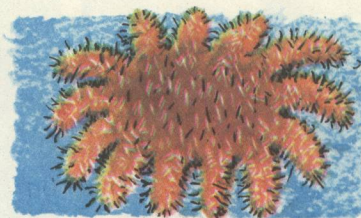
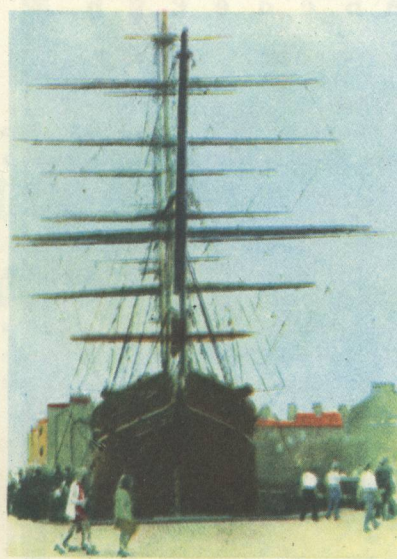
Две с половиной тысячи квадратных метров парусов несли клипер через моря и океаны подобно крыльям альбатроса.

Капитаны многих быстроходных парусников научились узнавать и отличать «Катти Сарк», потому что не было равных в гонке с ней...

Но вот прошло много десятилетий. Старый парусник обрели на слом. Тогда-то и образовалось в Лондоне Общество сохранения «Катти Сарк». Клипер восстанавливали на пенсы и шиллинги трудных людей всей Англии.

Теперь «Катти Сарк» стоит в сухом доке неподалеку от Темзы, неподалеку от того причала, откуда ушла она в свой первый рейс в далекий Шанхай за грузом чая...

Фото С. Сурикова

ПОЖИРАТЕЛИ КОРАЛЛОВ

С виду они очень безобидные, обыкновенные морские звезды нежной пурпурной окраски. На деле звезда «акантастер», или, как ее еще называют, «терновый венец», — страшная пожирательница коралловых рифов. Невиданно размножившиеся звезды уже уничтожили несколько островов в Тасмановом море. В борьбе с «акантастер» не помогают ни яды, ни динамит.

Если так продолжится и дальше, — считают ученые, — Большой Барьерный Риф в Австралии со временем будет съеден начисто.

Хроника

Два месяца в ленинградских кинотеатрах «Ладога» и «Родина» с большим успехом демонстрировалась выставка «Рисуют читатели „Морской газеты“».

В следующем номере мы напечатает рисунок, достойный, по мнению посетителей выставки, первой премии.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Кто найдет на берегу моря, реки или озера остатки старинного корабля, монету или шпату, пряжку, медный гвоздь, старинный же, книгу в переплете из телячьей кожи с письмами и картами, портуланумами в старые

времена называемыми, или еще что подобное, — пусть сообщит в Кунсткамеру «Морской газеты».

Приславшие же для Кунсткамеры какие-либо предметы морской старины будут награждены. Хранитель Кунсткамеры Робинзон

У НАС В ГОСТЯХ

В штабе АРЧЕБЕКА побывал гроссмейстер Александр Котов. Приняли его с почестями, беседовали о шахматных делах... А под конец кто-то попросил показать что-нибудь необычное.

— Хорошо, — прищурил глаз гроссмейстер, — покажу.

Вот задача (диаграмма № 1) — в ней белые дают мат в 2 хода. «Что особенного?» — скажете вы. Да, пока ничего. Но теперь смот-

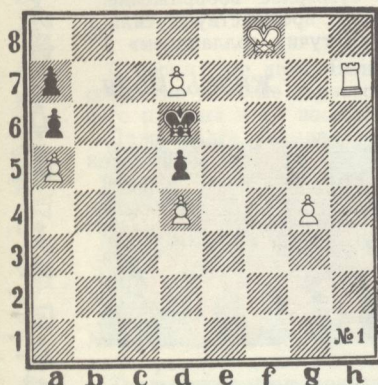
АРЧЕБЕК

то пройдет в ферзи, а тогда белым несдобровать! — сказал (кто?).

— Тут черные пешки только своему королю мешают. Белые живо мат ему объявят! — возразил (кто?).

— Одним конем мат не объявишь. Но и пешки никуда не пройдут! Будет ничья, — вступил в спор (кто?).

Боевое задание — определить: кто сказал что? (Не забудь: белые пешки всегда идут вверх, а черные — вниз).

рите: пешку d7 я переставляю влево — на c7. Получилась задача опять-таки с матом в 2 хода, но с другим решением. А теперь я передвигаю эту пешку еще левее, то есть на b7. Третья задача! И опять — мат в 2 хода. Дальше влево двигать пешку некуда: поле a7 занято. Поэтому передвину ее с d7 вправо — на поле e7. Возникла четвертая задача! Задание то же — мат в 2 хода, а решение иное.

Выходит, в одной оболочке оказались сразу четыре задачи! Я бы назвал их «Задачи со скользящей пешкой». Вы спрашиваете: «Как они решаются?» Догадайтесь сами!

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

Боевое задание шахматистам — задача и два этюда. В задаче А (диаграмма № 2) белые делают мат в 2 хода.

В обоих этюдах белым приходится бороться против опасной проходной пешки. И хотя кажется, будто они обречены на поражение, все же имеется узкая тро-

пинка точных ходов, приводящих их к спасительной ничьей. Вот эти этюды —

Б — белые: Крc1, Cd7, п.d6; черные: Крh4, Ch1, п.h2.

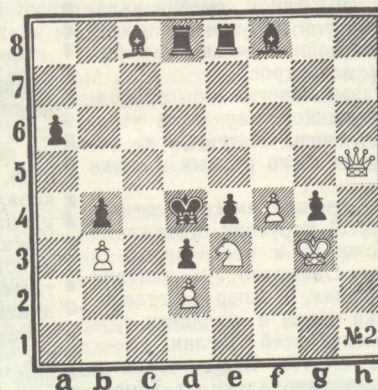
В (Т. Горгиев) — белые: Кра8, п.а2, с5; черные: Крс8, п.h7.

Шахматом предстоит преодолеть такие препятствия —

А (Н. Абациев) — белые: а3, а5, с1, е1, е5, f2, g3, h2; черные: а7, b8, с3, с7, d8, е7, g5, h8.

Б (М. Бень) — белые: а1, d2, е1, е3, f2, f4, h2, h4; черные: а3, b4, с7, е7, f6, f8, h6, h8.

В (Д. Сухоруков) — белые: дам-

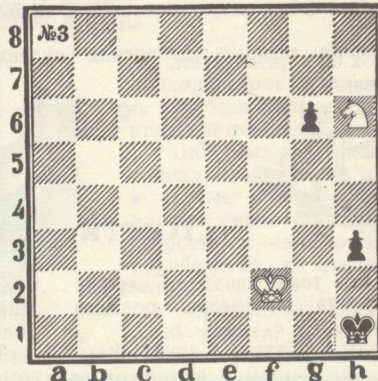
ка h4, простые а1, g7; черные: дамка а3, простая с3.

В позициях А и Б выигрыш посредством комбинации, В — этюд.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Трое рыцарят, Знай, Незнай и Полузнай, нашли шахматную диаграмму (№ 3) с подписью «Ход белых».

— Ну и что же, что ход белых? У черных две пешки, хоть одна-

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Здесь вы можете проверить свои решения новогодних задач (см. «Костер № 12» 1970): шахматы — 1. К: е5+Кр: е5 2. Ф: е4Х, шашки — 1. bc5! g:e3 (если 1... d:d2, то 2. f:b8 del 3. gh4 и черным не спастись). 2. cd4 e:c3 3. ab4! c:a5 4. cb6, и хотя белые без трех шашек, но победа им обеспечена!

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 1 сентября!

§ 2. На конвертах помечайте «АРЧЕБЕК» и указывайте свой адрес. Рапорт присылайте один раз: дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ

Радиостанция «Стремительного» получила странную радиограмму:

«...ходя в надводном верз мыса..... и оставив к... острова ... Кунья
был неизвестной лодкой, имею... в легком грунт заделал
... помощи ... 40 Д20.

Командир..... 17 ... Кузнецов

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 5

§ 1

1. Шифровальщикам прочитать текст странной радиограммы.

2. Крейсеру «Комсомолец» (командир Саша Низов), эсминцам: «Ретивый-6» (командир Коля Ивочкин) и «Сокрушительный-2» (командир Наташа Котова) следовать в предполагаемый район аварии и действовать самостоятельно.

§ 2

В ознаменование праздника Дня Победы остальным экипажам выполнить первую познавательную стрельбу «Победа». Штабу «Океан-2» доложить:

1. Название городов-героев нашей страны. В обороне каких из них участвовали корабли и морские стрелковые части в годы Великой Отечественной войны.

2. Сколько военных моряков за годы Великой Отечественной войны удостоено звания Героя Советского Союза, кто из них был удостоен звания Героя дважды.

3. Писателем Леонидом Соболевым написан рассказ «Держись, старшина». Где, когда, на каком корабле произошел такой эпизод. Назовите настоящую фамилию старшины.

§ 3

После выполнения стрельбы «Победа» всем кораблям выйти в совместное кругосветное плавание по параллели 40° Ю. Ш., имея курс 270°.

*Ничего морзянки не слышали, все это были пионерские маневры
Поздравляю с всеармейским праздником Дня Победы.*

*Наш герой Сов. Союза
Командир Ашаданов*

ПРЕСС-ГРУППА «ОКЕАН-2» СООБЩАЕТ

Борт корабля связи «Стремительный» (от нашего корреспондента). Один из советских военных кораблей после окончания маневров «Океан» находился на переходе в Саргассовом море. Курсант Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе главный старшина Юрий Козлов увидел среди волн человека. Крикнув вахтенному матросу: «Человек за бортом!», — Юрий Козлов прыгнул на помощь.

Долго отважный моряк удерживал на воде товарища, пока их не подобрала. Подвиг Юрия Козлова отмечен медалью «За спасение утопающих». Юрий — отличный воин и хороший спортсмен. Скоро он оканчивает училище и станет офицером-моряком. Он просил передать участникам пионерских военно-морских маневров «Океан-2» пожелание, чтобы каждый юный моряк этим летом научился плавать, научился оказывать помощь терпящим бедствие на воде.

Юнкор Володя В.

«Готовлю модель брига „Меркурий“».

Павлик Тарасов, Ташкент

«...делаем модель своего эсминца».

Экипаж «Суворова», Пермь

«Ведем судовой журнал».

Экипаж Вити Ефимова, село Ярково

ОКЕАН-2

СОДЕРЖАНИЕ

Всегда на марше	
О втором гайдаровском слете пионеров	
фото Славы Шикмакова	
оформление Е. Филатова	1
Операция „Чукотка“	
повесть Юрия Рытхэу	
рисунки А. Овсянникова	5
Про Егорку	
стихи Е. Серовой	
рисунки В. Гальбы	24
Это было под Радомом	
очерк В. Фарберова	27
Перышко	
рассказ А. Крестинского	
рисунки Р. Фридмана	30
Что важно?	
стихи П. Карцева	34
Страна Поэзия	
А. Безыменский	
рисунки Е. Филатова	35
Дорога	
очерк К. Феноменова	
оформление А. Януса	38
Два фото из Вьетнама	
фотоочерк Э. Бекира	44
Плюс, Минус и Тимоша	
повесть-сказка И. Ефимова	
рисунки И. Казаковой	45
Уголёк	
журнал для малышей	
рисунки Б. Семенова	53
Костя Теркин берет интервью	55
Мои забавные, забавные собачки	
очерк Л. Кролевецкой	
рисунки Н. Муратова	56
Школа „Спринт“	59
Морская газета	
оформление Р. Попова	60
Арчбек	62
Океан-2	
морские пионерские маневры	63
Конкурс гнома-гастронома,	
Уголок веселого архивариуса	64
На 2-й странице обложки	
фото А. Ритова	

Конкурс гнома-гастронома

Нельзя без таланта попасть в повара, Однако неплохо, чтоб каждый Сумел свой отряд угостить у костра Горячей похлебкой и кашей.

Представьте, что в июне вы отправляетесь в однодневный поход. Вас семь человек. На привале вы достаете свои запасы и складываете в общий котел. Вот список того, что у вас имеется:

тушеная говядина — 1 банка (500 г), копченая грудинка — 500 г, крупа перловая — 500 г, зеленый горошек — 1 банка (500 г), картошка — 2 кг, соленые огурцы — 1 банка (500 г), сливочное масло — 300 г, соль, две луковицы, лавровый лист.

В ближайшем селе вы можете купить на те деньги, что у вас есть, 100 г укропа, 100 г петрушки, 500 г редиса (другие овощи еще не поспели), 3 литра молока.

Кто из вас возьмется приготовить из этого количества продуктов на костре обед из двух блюд на семь человек?

Если вы уверены, что сумеете это сделать, пришлите гному-гастроному рецепты вашего первого и второго блюда и раскладку продуктов. Лучшие рецепты будут опубликованы на 64 странице и авторам будет присвоено почетное звание «ИСКУСНЫЙ КАШЕВАР».

Трудно? Конечно. Но:

УМЕЛЫЕ, ИСТИННЫЕ ПОВАРА
ЩИ СВАРЯТ ВАМ ДАЖЕ ИЗ ТОПОРА!

судары!» — «Что? Работает? — возмутился его провожатый. — Да как вы смеее утверждать, будто столь великий король работает? Вы, что же, явились насмехаться над его величеством?»

Одному иностранному путешественнику дозволено было осмотреть кабинет испанского короля. Увидев письменный стол короля, путешественник воскликнул: «Так вот где работает этот великий го-

Некогда во Франции одному молодому бездельнику совершенно невероятно повезло: он получил должность зубодера при короле как раз в тот день, когда у старого короля выпал последний зуб

Главный редактор В. В. Торопыгин

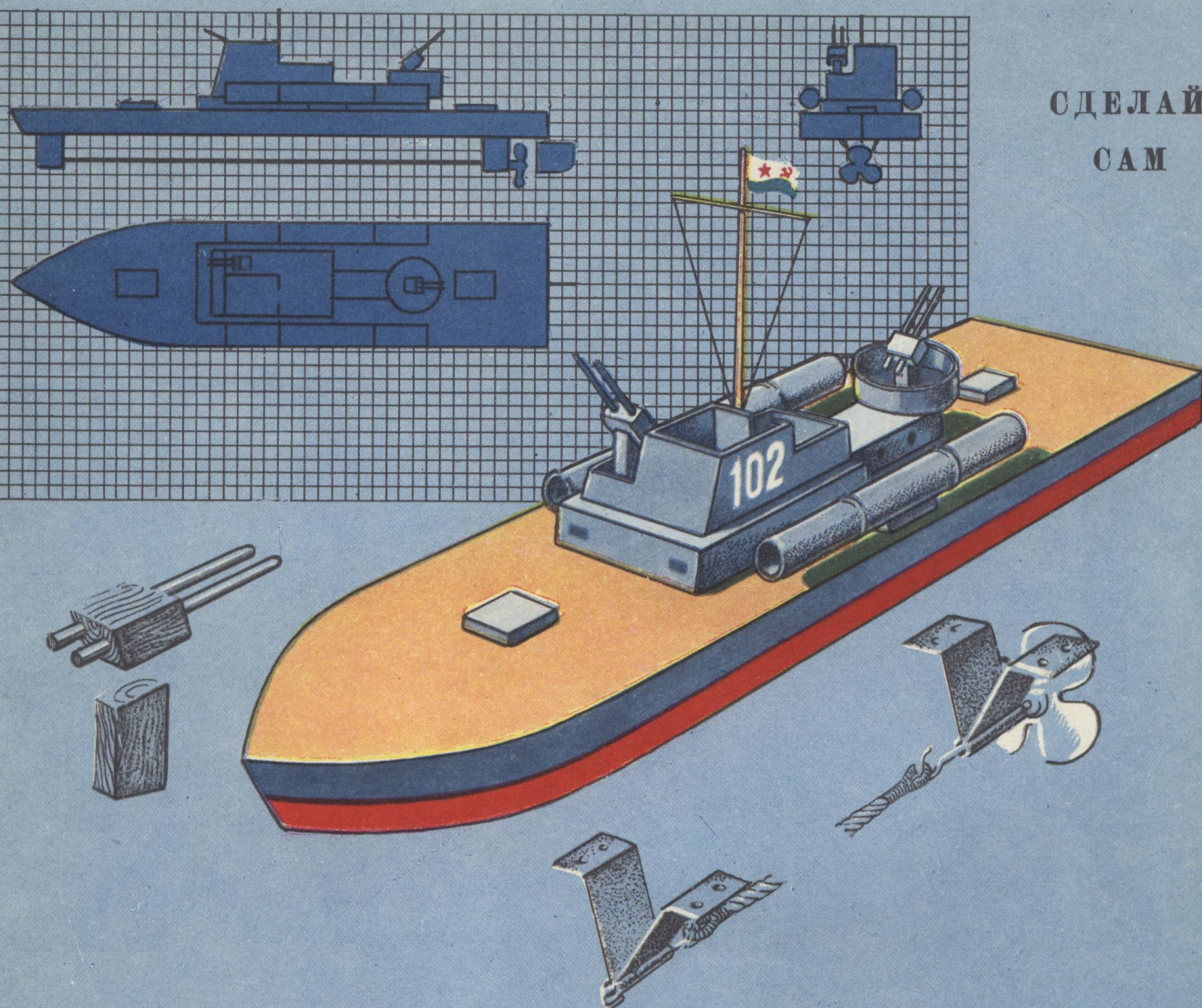
Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. По-
ройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь),
Н. А. Ходза, Г. М. Черякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Мавская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

СДЕЛАЙ САМ

Начертите на листе бумаги сетку с клетками 1×1 см. Перенесите на сетку очертания торпедного катера. Это будет ваш чертеж. Каждая клеточка нашего чертежа соответственно меньше в пять раз. Значит, чертеж катера на вашем листе должен быть в пять раз больше. Именно такой величины получится и модель.

Положите чертеж на сухую сосновую доску размерами $40 \times 9 \times 2$ см. Под чертеж подложите копировальную бумагу. Обведите карандашом контуры катера, доску обрежьте по контурам. Корпус готов. Для нижней части рубки нужна доска толщиной в 1 сантиметр.

Носовой и кормовой люки делают из тонкой фанеры. Автоматы — скорострельные малокалиберные пушки — можно собрать из деталей, указанных на чертеже. Мачту и рею — из кругло обструганных палочек.

Рубку, трубы торпедных аппаратов, ограждение кор-

мового автомата надо сделать из толстого картона. Все размеры есть на чертеже. Резиномотор — несколько тонких резинок длиной в 50 см соберите в пучок. Кронштейны для крепления мотора и руль вырежьте из жестяной банки. Не забудьте изогнуть лопасти винта!

Покройте горячей олифой все деревянные и картонные детали. Затем модель покрасьте масляной краской так, как это изображено на нашем рисунке.

Закручивайте резиномотор, ставьте катер на воду и «Полный вперед!»

И. Секретарев

Напишите, как прошли испытания вашего катера и чертежи каких кораблей вы хотели бы видеть в «Морской газете».

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36111

Тираж 600 000 экз.

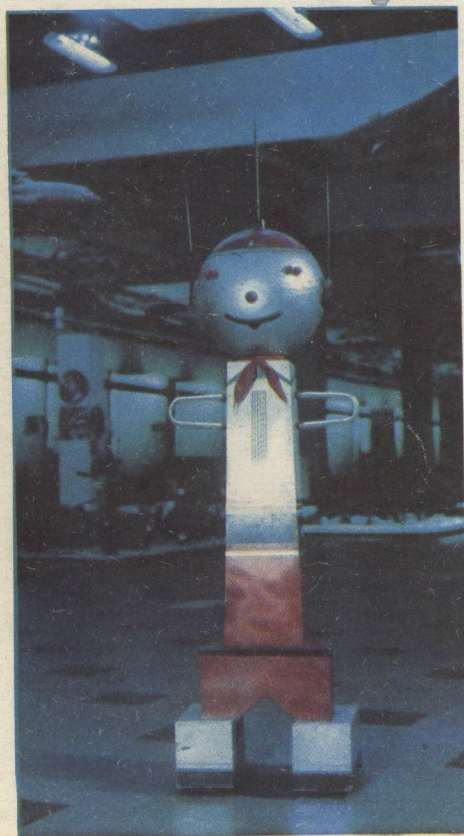
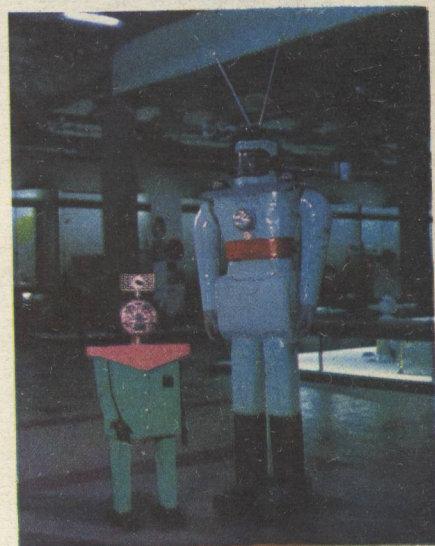
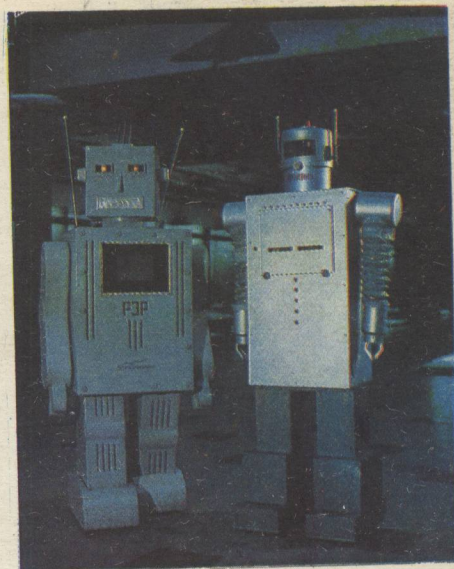
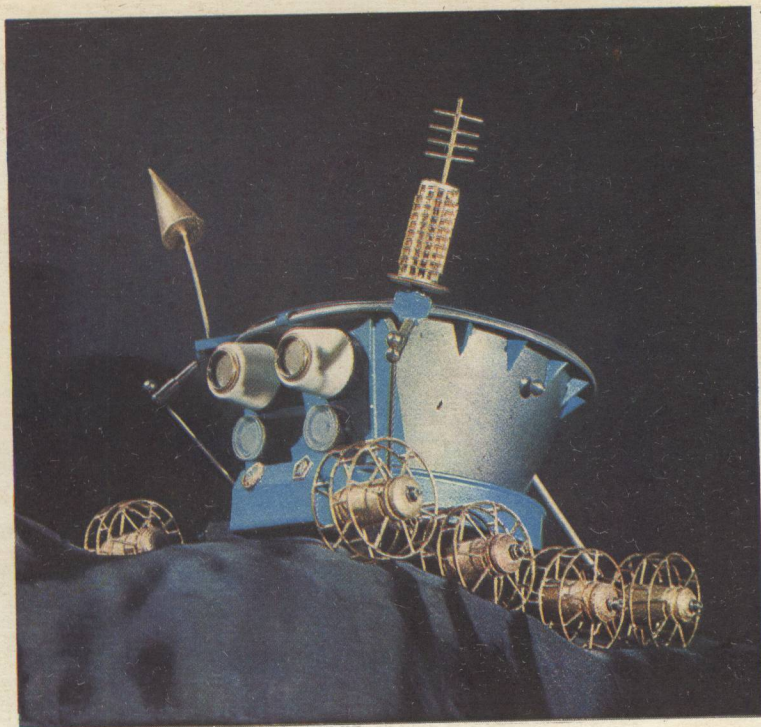
Подписано к печати 25/III 1971 г.

Заказ № 196.

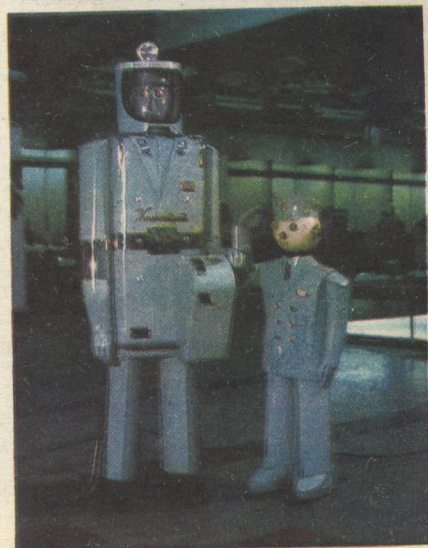
Формат 60×90 %. Печ. л. 8.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

**Всесоюзная
выставка
„Творчество
юных“**

25 к.
70445